

ВЛАДИМИР КОЛОСКОВ • Часть 1

МИДГАРД

Владимир Колосков

Мидгард. Часть 1

«Издательские решения»

Колосков В. В.

Мидгард. Часть 1 / В. В. Колосков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966893-6

В землях Мидгарда снова неспокойно. Артефакт, не предназначенный миру людей, привлек из тьмы новое зло, а это значит: героям пора собираться на новые поиски. Военская доблесть и могущественная магия, хитрость и сноровка помогут им распутать клубок загадок. Но станет ли этот клубок последним или полученные ответы поставят лишь новые вопросы, а одержанные победы приведут к еще большим вызовам?

ISBN 978-5-44-966893-6

© Колосков В. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. В доме рыцаря	6
Глава 2. Мир тесен	25
Глава 3. Вперед и на север	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мидгард Часть 1

Владимир Владимирович Колосков

Корректор Надежда Соболева

Художник Ксенон

Дизайнер Вера Филатова

© Владимир Владимирович Колосков, 2019

ISBN 978-5-4496-6893-6 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-6894-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. В доме рыцаря

На верхнем этаже замка не спали. Путник, подошедший к замку с востока, издали разглядел в узком окне пляшущий свет. «Сотню свечей жгут, – завистливо подумал бы он, глядя на яркие отблески на потолке, но, подойдя поближе, он бы уточнил, – пламя свечей не полыхает так сильно, это отблески от камина», и он был бы прав. В пиршественной зале горел большой камин, хотя сидело там всего три человека. Зала называлась пиршественной, но была вовсе не так великолепна, как ее название. Это был обычный каменный мешок без декораций, без украшений. Он вмещал человек двадцать, из них двенадцать могли усесться за вытянутым столом. В этих землях от замка до замка день пути бойкой рысью, поэтому и в самую пору охоты, когда рыцари гоняли дичь по окрестным лесам, больше дюжины гостей собраться на пир и не могло. В эту ночь в пиршественной зале безудержное веселье уступило место тревожному ожиданию.

Сэр Кормак в тысячный раз пересек комнату, в сотый раз отхлебнул из кубка, в двухсотый поворочил чугунной кочергой поленья в камине и устало плюхнулся в жесткие объятия резного стула. Ночь близилась к концу. В восточном окне скоро начнет светать. Так казалось сэру Кормаку, когда он в очередной раз взглянул в студеную тьму. Он бы удивился, когда бы узнал, что бесконечная ночь не перевалила за середину и многое ему предстоит увидеть до той поры, как первый солнечный лучик прорежется из-за холмов.

– Я и забыл, как долго оно всегда тянется, – вздохнул он облачком пара, не обращая ни к кому конкретно. Его сын, Джон Кормак-младший, что-то пьяно булькнул в ответ со своего ложа, которое стояло подле стола вдоль его длинной стороны, занимая ее целиком. Великан Хельмут, недавно рукоположенный в причетники, кивнул, не отрываясь от молитвы, которую творил едва слышным шепотом в углу комнаты.

– И так тихо кругом, – добавил Кормак, – будто ничего не происходит. Сколько уже?

– Утром ровно круглый день стукнет, – ответил из угла Хельмут. Он закончил чтение и спрятал молитвенник за пазуху.

– Ты бы тоже помолился, – рыцарь вцепился в бесполезного сына, – никакой пользы с тебя!

– Когда в Палестину провожал, не так ты мне говорил, батюшка, – пьяно усмехнулся Джон. – От двух стрел твоего тестя спас, от третьей не успел, ногу под стеной оставил, а на одной не доскачешь, – и в подтверждение своих слов Джон, зябко кутавшийся в овечьи шкуры, вынул из слоев желтоватой шерсти культю и постучал ею по столу.

Реплики и жесты Джона не отличались разнообразием, и что бы он ни делал, что бы ни говорил, сэр Кормак видел и слышал это десятки раз, поэтому ни на что почти не реагировал.

– Хоть бы сегодня постеснялся калечность свою напоказ выставлять, – едва упрекнул сэр Кормак, тоже подчиняясь привычке.

– А чего стесняться? – удивился Джон. – Это вам наследник заместо меня надобен, так надобен, что хоть и незаконного, а в метрику как своего впишете.

– И впишу! – взорвался сэр Кормак. Этот упрек был из новых в арсенале Джона, к нему хозяин замка еще не успел как следует привыкнуть. – Племянником твоим впишу! А может, ты женишься надумал? Как справишься, так и твоего отпрыска впишу, а того выпишу.

– Знатный из меня жених, – едко позлорадствовал над самим собой Джон.

Крестовый поход. Акра. Осадные орудия. Бойня. Его доспехи покрыты шрамами от стрел, как застенок узника покрыт зарубками дней. Второй щит разрублен. Он наклоняется к мертвецу поднять взамен утрате третий и слышит над собой грохот камнепада. Пыль опускается. Из облаков проступает обломок стены, который лишил его ноги. Картина встает в его памяти как живая. Почему с такой ясностью не закрепилось в нем какое-нибудь приятное

мгновение? Почему этот обломок? Потом был какой-то корабль, заражение крови, гангрена, лихорадка, бред, шесть месяцев у госпитальеров на Мальте. Потом еще шесть месяцев пути назад. Потом открытие, что болезнь забрала его способность быть с женщиной; потом открытие, что вино и мед позволяют с этим примириться.

Воспоминания с той или иной степенью живости повторялись всякий раз, как вино по неведомым медицине путям поднималось из желудка младшего Кормака к его голове, а это случалось каждый вечер без исключений. Ни отец, ни кто другой обычно не упрекали младшего Джона за пьянство. Что бедняге еще оставалось? И в этот раз сэр Кормак осадил себя, избегая погружаться в дальнейшую брань. Он вслушался в ночь. Теперь, когда Джон все дни валялся в родительском замке, его досуг делился на две равные части: когда он пил и когда он был пьян настолько, что больше не мог пить. Наследник из Джона был никакой, поэтому сэр Кормак с таким нетерпением вслушивался в тишину, не раздастся ли в одинокой пустоте спящего замка голос нового человека.

– Сходить посмотреть? – спросил сэр Кормак, хотя прекрасно знал, что если бы были изменения, ему бы уже донесли.

– Сходите, господин, – ответил Хельмут. – А я тем временем поищу, к кому из святых высшей силы я еще не обращался с просьбой.

Сэр Кормак осторожным вором, будто незванный гость, а не хозяин в своем доме, выскользнул из зала, спустился по узкой винтовой лестнице, прокрался к двери, за которой вершилось таинство природы. Он приотворил деревянное полотно и подглядывающе запустил глаза в сумерки, но его появление не осталось незамеченным. Старухи зашикали на него, будто на черта. От хорового шипенья повитух Кормак виновато отпрянул, закрыл дверь и уж уверенно пошел обратно. Его дочь еще жива, но лицо ее было белей простыней, на которых она лежала вот уж... Кормак был не силен в счете, но Хельмут сказал, что с рассветом будет верный день.

Злость пришла на смену беспомощности. Кормак, перескакивая через одну высокие ступени, поднялся обратно и ураганом ворвался в каминный зал. Огонь горел, Хельмут молился, Джон цедил вино, брезгуя едой. Не тронутый ни Кормаком, ни Джоном, ни Хельмутом ужин заветривался на столе, медленно доходя до того неаппетитного состояния, когда его можно будет отправить слугам. Замок, кроме двух комнат, спал. Бодрствовали три человека наверху и пятеро внизу. Был еще один в самом низу, которому не спалось, но Кормак пока не думал о нем всерьез, хотя его мысли черными корнями тянулись вниз, к подземелью. Сэр Кормак выбил кубок из рук сына с такой силой, что серебро погнулось от удара. Джон проводил посуду равнодушным взглядом, неуклюже смахнул разлитое вино с покрывала и поглубже зарылся на своем ложе в уютные овечьи шкуры. Вина и кубков в замке еще много, а выправить вмятину сможет любой кузнечий подмастерье.

«Нужно что-то делать, – мелькало в голове у Кормака, – иначе она умрет. Чертовы старухи».

– Есть новости от Бога? – Кормак тронул Хельмута за плечо.

– На всё воля...

– Приведи мне колдуна! – перебил причетника рыцарь. Если нет вестей из горнего мира, самое время дать шанс чернокнижнику.

– Нет, господин, вы должны положиться на мудрость бесконечного промысла, на... – начал без всякого пыла, что выдавало в нем скрываемое неверие, увещевать Хельмут, но рыцарь, почувствовав слабинку причетчика, не удостоил его спора и, перебив, приказал:

– Привести мне его! Наслушался я и молитв, и заговоров! – сэр Кормак по привычке бросил руку к тому месту на поясе, где когда-то неизменно находил рукоять меча. Те времена покрылись серыми слоями уютной домашней пыли, глубоко спрятались за привычками завзятого домоседа, но в минуты отчаяния рука еще бросалась туда, в минувшее молодое, на поиски

последней надежды и утешения. Меча на поясе не было, теперь его добродетель – не сила, а мудрость, и сэра Кормак добавил: – Не наш ли король Эдвин Нортумбрийский, которому я прихожусь отдаленным потомком, окрестил свою дочь, сначала принеся жертвы в честь ее рождения языческим богам?

– Это было, небось, лет шесть тысяч назад, – лениво ответил причетник. Он не знал ничего об этом историческом факте. Кормак иногда поражался, насколько темен оказывался Хельмут в истории, которую даже он, простой рыцарь, не читающий на латыни, худо-бедно изучил между охотами, выписывая мудреные книги из Кентербери. В этих случаях на память Кормаку приходили слова другого короля, Альфреда Великого, который очень резко отзывался о грамотности тогдашнего духовенства: «Мало было людей по эту сторону Хамбера, кто мог бы понять службу на английском языке или перевести написанное с латинского на английский. И думаю, что и за Хамбером таких было не слишком много». И ни одного такого грамотея не мог припомнить Альфред Великий к югу от Темзы. Так если с тех пор не многое изменилось к лучшему, то виноват в этом точно не он, нет: сэра Кормак тут ни при чем.

Хельмут не знал слов Альфреда Великого, однако знал, что теперь с Кормаком лучше не спорить. Если старый рыцарь хватался за воображаемый меч, который молодой Джон оставил в Акре на поживу сарацинам, дело может выйти боком. И простым охотничьим ножом Кормак в порыве яростного затмения расчихвостит за милую душу: не одного медведя свеживал. Сам Хельмут не боялся хозяйского гнева, они с рыцарем существовали как бы в разных ипостасях, как фигуры от разных игр. Хельмут и колдун стояли на доске шахматными ладьями разных цветов, а сэра Кормак залетел на чужое поле шальной игровой костью, поэтому настоящие играющие не обращали на него внимания, а если бы обратили, то наверняка смахнули бы подальше. Но Кормак ничего об этом не подозревал и под горячую руку мог схватиться нож или кочергу и нарушить далеко идущие планы причетника. Лучше держать рыцаря в холоде спокойствия, пока не будет слишком поздно. Хельмут покорно вздохнул, извинился перед небесным наставником за своего господина, но всякая власть от Бога, и он пошел в подвалы отыскивать того, кого требовал к себе хозяин замка.

Словно кочергу, Хельмут подхватил тяжкий молот, который всё это время стоял в углу. Когда Хельмут вставал на колени, чтобы вознести молитвы высшим силам, он ставил молот перед собой, поэтому могло показаться, что он молится молоту, в этом было что-то подозрительно языческое, хотя, скорее всего, простое совпадение.

С оружием в руках он удалился в сырые подземелья. Недолго ходил он, и вот перед Кормаком свалился в ноги хромой старик. Охромел он во время первой встречи с Хельмутом. Не жаловал причетник колдунов, а этот ему нужен был особо, вот и заехал он старику молотом в колено и, как беззащитное гнездо, разворотил хрупкий сустав.

– Ты умеешь облегчать роды? – спросил сэра Кормак у чернокнижника.

– Конечно, – ответил старик, пытаясь привстать на здоровой ноге, – но раньше надо бы начинать. До рассвета недолго, а у вашей дочери времени и того меньше.

– Не мели мне! – огрызнулся Кормак. – Если поможешь, отпущу. Если нет, на кобыле надвое разрежу. Берешься?

Колдун посмотрел в окно, вдохнул ноздрями воздух, перевел взгляд на Хельмута, поморщился от вида молота, но на семь бед один ответ, и ответ случится быстрее, чем думает Хельмут.

– Условия невыгодны, господин хозяин замка, – ответил колдун.

Кормак махнул Хельмуту, и тот отвесил колдуну такую оплеуху, что тот отлетел в камин. Со стоном колдун выскочил из пламени на здоровой ноге, прибывая голыми ладонями красные лепестки огня на затлевшей одежке.

– А чего тебе еще ждать? Если откажешь, думаешь, медом напоят? Этого видел? – Кормак указал на Хельмута. – У него давно руки чешутся все косточки в тебе переломать, ребра через живот вытащить.

– Ждать мне, господин, есть чего, хоть и ожидание страшит меня не меньше ваших подземелий, – сообщил чернокнижник странное. – Но я согласен вам помочь. Отведите меня к нуждающейся женщине.

– Вытащишь ублюдка мертвым, останешься без головы, – отозвался с ложа Джон, – а вытащишь живым, всего лишь ногу отнимут, – добавил он и снова постучал культей по столу.

– Я запомню вашу шутку, господин сын хозяина замка, – ответил колдун.

– Если будет девочка, колдун, я подарю тебе свою здоровую ногу взамен перебитой! – пообещал Джон. Он уже ненавидел мальчика, который займет его место, но девочка или трупик любого пола его обрадуют.

– Это изменить не в моих силах, – пожал плечами колдун.

– Хорош трепаться, – Хельмут толкнул старика в спину.

Кормак и Хельмут подхватили старика и понесли в комнату. Спуститься по винтовой лестнице втроем оказалось нелегкой задачей.

– Как ты занес его сюда наверх? – спросил рыцарь у причетника, когда убедился, что три человека разом могут спускаться по лестнице только кубарем.

– На спине, – объяснил Хельмут.

– Ну так снеси его вниз, – Кормак исчез в темноте спуска, а Хельмут, бормоча проклятия, посадил старика на спину и затопал по ступеням.

Кормак широко распахнул перед слугой и пленником дверь, и колдун увидел роженицу. У ее раздвинутых ног стояли на коленях четыре старухи. У одной в руках был кубок с вином, у другой – Библия, у третьей – золотой, у четвертой – кинжал. Так повитухи младенца вымаживали. Если пьяница будет, пойдет к вину, если священник – к Книге, воина привлечет блеск лезвия, скрягу и скопидома – золотой. Но ничто из верных бабушкиных средств не помогало, и ребенок уверенно сидел там, где по срокам ему быть не полагалось. Старухи обернулись на топот ног Хельмута, шамкающие рты раскрылись, готовясь изрыгать брань на посмевших нарушить неприкосновенность комнаты, но колдун опередил их:

– Вон! – прикрикнул он, возвышаясь на полголовы выше Хельмута, покрепче схватил свою лошадку за шею левой рукой, отчего Хельмут захрипел, а большим пальцем правой красноречиво указал на дверь. Такого решительного натиска на свое ремесло повитухи, собранные со всех окрестных сел, не ожидали. Побросав «дары» и шипя, словно змеи, старухи разбежались. Им и самим страсть как хотелось отдохнуть, пусть теперь хромой дед отвечает за всё, но, проходя мимо рыцаря, они не поленились высказать, что думают о проявленном недоверии:

– Спасибо, хозяйчик милой, привел черта.

– В грехе зачала, в грехе рожает.

– От старика в лимб, от бабки – в божий мир.

– Нас прочь гонит, а дитя не может, – усмехались беззубые рты.

Лишь пятая бабка, которая полоскала в горячем тазу простынь, подошла к старику:

– Хошь, по-звериному вой, а долго не стой. Рассвет скоро, – предупредила она, что время кончается.

– Знаю, – махнул рукой колдун, – останься. Обернешь.

Колдун заковылял к изголовью кровати, уселся на поднесенный бабкой табурет и прошептал заклинание.

– Нам уйти? – робко спросил сэра Кормак, внезапно проникшийся к колдуну безотчетным страхом.

– Можете остаться, – не отвлекаясь, ответил колдун, – мое искусство – не тайна.

Так ответил он и задумался. Заклинание истинного видения открыло ему, что ни болезни тела, ни духа, ни колдовские чары, ни злые духи не властвуют над роженицей. Его колдовская сила была бесполезна, этот случай находился под силами природных сил. Пальцем он начертил на белом лбу невидимую руну, но руна не помогла. Какая сила могла препятствовать естественному? Оставалась только одна такая сила.

– Зачем ты держишь его? – спросил колдун.

– Он незаконный.

– Твой отец запишет его сыном твоего мужа.

– Я три года не была с мужем.

– Закону такие пустяки не помеха, – усмехнулся волшебник.

Через несколько минут пятая бабка заворачивала сучащего ножками младенца в простыню, поверх которой ребенка обернули в гербовый плащ деда. Они успели до рассвета.

Убедившись, что и внук, и дочь здоровы, оставшийся без накидки сэр Кормак на своей спине снес колдуна обратно в обеденную залу и усадил к камину. Хельмут, поигрывая молотом, плелся следом. «Плодитесь, плодитесь, – думал он. – Недолго осталось». Хельмут, как и Джон, был лишен возможности деторождения по причинам, от него не зависящим. В его чуждом всему человеческому сознанию роды были неотъемлемой частью сугубо животного мира, который он презирал с позиции существа, претендовавшего на высшее, чем человек, положение в мироустройстве.

– Через три дня зададим пир! – сэр Кормак опустил на любимый резной стул и с облегчением вздохнул: мальчик. Джон-пьяница протянет еще лет пятнадцать, если не будет ездить верхом, да и сам сэр Кормак рассчитывал потоптаться на земле еще годков этак с двадцать. Новорожденный возмужает, и будет кому передать замок и земли. – Утром пошлю гонцов во все концы!

Улыбка осенила лицо колдуна, но осенила накоротко. Были у него заботы потуже, чем молот Хельмута и гнев Кормака. Теперь поздно уходить из замка. Нет времени скрыться, нет сил на дорогу.

Скоро он будет здесь. Тот, который давно идет за ним, жуткий преследователь, что проходит через миры, отыскивает следы там, где и следов никаких не оставалось, который и самих мертвых требует к ответу. Ошибка промысла, оживший мертвец, над кем и смерть не утвердилась вполне в своих по законам природы установленных правах, не человек, не зверь, не бог, а существо, вмещавшее по части ото всех материй. Только бегством удавалось держаться от него на расстоянии, но вот нашла коса на камень. Не в том замке решился переночевать колдун и на три недели угодил в унижительное заточение, ох уж этот Хельмут. Ох и хитрый прощельга! Не знал колдун, кем был на самом деле Хельмут.

– Чему понурил голову, черная душа?! – настиг колдуна глас хозяина замка. – Я держу слово! Будешь награжден свободой и всем, что унесешь!

Хельмут хмыкнул в кулак: много добра эта скрюченная молотом хромоножка на себе не снесет, но так принято награждать. Щедрей не одаришь. А впрочем, и этой награды людской колдунишка не увидит. Если знаки верны, к утру от замка камня на камне не останется.

– Он идет, – ответил колдун, взглянув на небо в восточном окне. Звезды заволокло тучами. Внизу, застилая окрестные деревушки до краев дымоходов, клубился ниоткуда взявшийся туман.

– Кто? – спросил сэр Кормак. Хельмут вдохнул воздух, наполненный только ему и колдуну различимыми абберациями эфира, теперь и причетник знал, но не в его интересах делиться своим знанием.

– Он приходит в одеждах из бури. Молнии – его факелы, гром – стук в ворота. Он постукивает трижды, – ответил чернокнижник.

– Выпьем за здравие! – Кормак махнул рукой причетнику, чтобы тот налил всем вина.

Хельмут пошарил на столе, отыскал в углу комнаты помятый кубок Джона, снял недостающую посуду со стены и наполнил из бочонка три кубка, которые разнес по комнате.

– За наследника замка! – провозгласил со своего места сэра Кормак и поднял кубок.

– За наследника! И пусть тому конюху икнется! – поднял кубок Джон. Колдун поднял кубок, но присоединиться к тосту не успел, потому что едва он раскрыл рот, за стенами замка раздался удар. Гремел свежей бронзой отлитый по заказу сэра Кормака колокол, в прошлом месяце водруженный на недавно законченную колокольню. Колдун с открытым ртом посмотрел на рыцаря, тот с удивлением взглянул на причетника и кинулся к окну. Где это видано, звонить среди ночи?! Не пожар ли? Но всё было тихо. Двор замка тонул в тумане. Деревни было не различить. Даже высокая колокольня не просматривалась. Раздался второй удар.

– Что за выходки? – разъярился Кормак.

– Может, в честь избавления от бремени звонят? – предположил Хельмут. Колдун сказал правду. Он позвонит трижды. Придется подождать.

– Откуда ж знают? – не удовлетворился таким объяснением сэра Кормак.

– Бабки донесли, – продолжал успокаивать хозяина Хельмут.

– Ворота заперты.

– Лисицы их знают, как старушечьи слухи разносятся, видать, с жабым кваком перепрыгивают, – не унимался Хельмут. Пусть Кормак в последний раз отвлечется его компанейским пустословием. – Всегда говорил, бабым слухам стена, что твоему гонцу брод, а дверей бы и вовсе нет, ведь в каждой двери щель, да каждая языком заткнута.

Третий удар колокола разнесся над темными холмами, и за похожим на последний стон бронзовым гулом раздался глухой грохот падающих камней.

– Завалилась колоколенка, – вздохнул Хельмут. – Но хоть не зря зодчего того вздернули, говорил же, крысит на растворе шкура безбожная.

– Кто это был? – покрасневший от страха сэра Кормак обернулся к колдуну.

– Мы скоро узнаем, – ответил колдун.

За его словами раздался новый скрежет. С таким лязгом обычно вытягивались с воротов железные цепи.

– Замковые ворота распахнулись, – вздохнул Хельмут. Ворот было не видно. Они выходили на южную сторону, а не на восточную.

Причетник поближе к молоту перехватил рукоять своего оружия. Сквозняк пролетел по комнате, задул на столе дорогие сальные свечи, и даже жаркое пламя камина, в котором можно целиком, с головой и ногами, изжарить крупного борова, что всю ночь взвивалось над бревнами в человеческий рост, одаривая зал приятным теплом и уютom, плюнуло в дымоход столпом огня и вдруг зачехло, оставив после себя несколько тлеющих угольков. Замок погрузился во тьму.

Удар кулака сотряс дверь. Один. Два. Три. «Он стучит трижды», – повторил про себя Кормак слова колдуна и громко, чтобы было слышно за дверью, спросил:

– Кто пришел?

– Гость, – ответил из-за дверей голос. – Отворяй.

– Что тебе надо? – спросил Кормак и тут же наклонился к уху Хельмута. – Нельзя впускать нечисть в дом, – вспомнил рыцарь бабушкины сказки, – чтобы оно ни говорило, не впускайте его, – шепотом подсказал он причетнику, который двинулся к двери.

– Брось суеверия, нерадивый хозяин, – ответил голос из-за двери, каким-то образом услышавший, что Кормак говорил Хельмуту, хотя шептал рыцарь так тихо, что даже колдун его не расслышал, – двери людские да из соли круги мне не преграда.

– Ага! – воскликнул Кормак. – Уговаривать начал, нехристь. Значит, не можешь войти!

Хельмут покачал головой. Единственное во всем замке, да и во всей стране, средство, которое могло остановить гостя, находилось сейчас в его руках.

– Входи, тварь из тьмы! – позвал Хельмут. – Я давно жду тебя, дух полночный.

Кормак дернулся наподдать Хельмуту за опрометчивые слова, но звук, донесшийся от двери, отвлек его внимание. Стальные скобы, которыми крепились к камню дверные петли, противно скрипя, вывалились из стены, и, потеряв опору, дубовая дверь ввалилась в комнату.

– Дверь была не заперта, – упрекнул потустороннего пришельца Хельмут.

– А речи вели, будто с сильным запором, – проговорил гость, чей силуэт вырисовывался за проемом.

– Зачем ты пришел? – повторил Кормак и больно пнул по лодыжке Хельмута, чтобы тот не вздумал снова вступать и еще больше раздражать пришельца.

– Я погляжу, законы приличия, обычаи древние приема гостей здесь чтить не привыкли. Гостя сперва приглашают к столу, местом его одевают, мед горячий подносят в дымящейся кружке, яствами потчуют, потом уж ведут разговоры, но с уставом своим, как народ говорит, и мне не пристало в чужой монастырь с поучением лезть.

– Как звать тебя, дух нечистый? – снова поперек хозяина замка влез в разговор Хельмут.

– Ремли зовусь я в мире Мидгарда, жрец неумный, времени блюсти тишину не учившийся, – ответил пришелец.

Ремли. Причетник в уме переставил буквы: это был он. Тот, кого он ждал, ради кого выслеживал колдуна, ради кого втерся в доверие к недалекому Кормаку. Истинный Хельмут оставался скрыт от гостя, равно как и от всех остальных. Гость видел в нем лишь причетника, вооруженного молотом.

– В приглашении ты не нуждаешься, так не проси его, – обратился рыцарь к Ремли, кого почитал за простого темного духа. – Мы не хотим тебя видеть, но коли подобию ты не уходишь, то скажи, зачем нас потревожил?

– Ищу я встречи с волшебником силы великой. Давно уж ищу, – отвечал дух, назвавшийся Ремли. – Слух до меня докатился, что пленен муж Искусства рыцарем Кормаком, в замке томится. Имя его Мельхиор. В похвалу благородному Кормаку я добавлю, что допрежь него и черных волхвов никто своим пленным Мельхиора называть не храбрился, ибо редко кому он позволял себя полонить. Вы не встречали его? – лукаво спросил дух.

– Он был моим пленным, – согласился Кормак, – но сегодня я даровал ему свободу и за услугу обещал наградить. Теперь он мой гость, а раз порядкам гостеприимства ты заявил свое уважение, мне можешь отвечать без утайки, какое дело у тебя к Мельхиору, поскольку теперь он под моей защитой.

– Вопрос справедлив, о честный хозяин, честь герба не забывший. Раз Мельхиора ты приютил, я по порядку отвечу тебе. Дело о воровстве разрешить мне с ним надобно, – объяснил дух. – Да что ж в темноте мы, почитай-ка, сами разбойники будто, беседу ведем.

Дух хлопнул в ладоши, и свечи вспыхнули пламенем, загорелся в камине потухший огонь, осветилась комната, как прежде.

– Коль так, то не под моей крышей сводите свои счета, – ответил Кормак. – Мельхиор же волен оставаться в замке, пока сам не решит дать тебе ответ.

– Неужто твой дом, твое родовое гнездо, ты, сэр Кормак, хранящий ярлык короля к совершенно судов справедливых, ты в вертеп превратил, укрывающий беглых? – ехидно всхотнул дух.

– Мой дом – не воровское прибежище, Ремли, но обвинения от человека без рода, да и от человека ли вообще, мне не указ.

Мельхиор, сидевший на стуле, окликнул хозяина:

– Лучше вам удалиться, сэр Кормак. Он не привык считаться с преградами. Беду навлеку я на ваш дом.

– Мудр Мельхиор, и слова его верны, – дух ступил на упавшую дверь и вышел на свет. – Се человек, – повторно представился он, – зовут меня Ремли.

Сэр Кормак и Хельмут увидели юношу в поношенном охотничьем костюме.

– Я его хребет на кулак намотаю, – выступил, отстраняя хозяина, Хельмут, уверенный в своих силах. До рассвета осталось совсем ничего, надо успеть прикончить Ремли, – хотя бы крики его этот замок обрушили, – добавил он, осознавая, что это самые малые разрушения, которые последуют, если сойдутся они с «се человеком» в полную силу.

Ремли не стал ждать более, он бросил вперед руку, и черная шаровая молния врезалась в причетника, но тот держал наготове молот и успел заслониться им от смертельного заклинания. Вспыхнули красным руны, глубоко врезанные в железо. Ремли взглянул на свою руку, потом на Хельмута, потом снова на руку. Черную сферу – смертельное для большинства низших тварей из плоти или из магии заклинания эфира – отражают немногие. Не вкралась ли ошибка...

– Твоя магия бессильна, Ремли, – подал голос Мельхиор. – Как и моя. У него молот...

– ...Брузхамр, – подхватил Ремли, – оружие Хмурого Бруза, короля из пещер, выкован он в Нифльгейме, остужен в воде Хвельгельмира, четыре тысячи дней молот тот остывал в воде, холодной ледников. Эта история помнится мне, также я помню, что в мире немало оружия същется, укротить гнев Брузхамра способного, и Эскалибур есть в том ряду.

Ночной гость легким движением извлек из ножен меч, что даже на желтом свечном свете блеснул чистотой белого золота. Хельмут перехватил молот подальше за рукоять, замахнулся по сильнее, намереваясь попробовать на крепость защитные чары Ремли.

Пока причетчик замахивался, Ремли оглядел пиршественную залу. От удара Ремли увернулся, Хельмута завертело на месте, пока молот не врезался в стену, насквозь пробив каменную кладку в локоть толщиной.

Ремли запустил в спину Хельмуту дубовый стол на двенадцать персон. Лопнули от столкновения доски, а Хельмут, бормоча проклятия, выбрался из-под обломков стола и снова попер на Ремли, помахая молотом.

– Не человек ты, хоть под личиной людской предстоишь, – Ремли раскрыл Хельмута. – Хоть гляжу, а не вижу твой от рождения облик: так Брузхамр скрывает тебя. Если мой враг ты, то предстань, каковым тебя знаю, назови настоящее имя. Если мы не знакомы, расскажи, из каких ты земель, что делить нам иль за какую обиду отмщенье вершить ты намерен.

– Имя я редко скрываю. Коли ты Ремли, я – Хельмут, – ответил Хельмут. – Нет между нами обид, нас война разделила.

Хельмут снова замахнулся и промазал.

– Touché, – объявил попадание Ремли, когда увернувшись, мечом распорол противнику бок.

Хельмут с удивлением от полученной раны развернулся и занес молот над головой. Ремли снова опередил его и пронзил лезвием плечевой сустав. Хельмут качнулся, молот выпал из его рук, и он повалился назад, прямо на ложе Джона.

Ремли спрятал в ножны окровавленный клинок. Сэр Кормак кинулся к лежавшим накрест Джону и Хельмуту. Упавший молот размозжил Джону череп, а Хельмут был еще жив и из последних сил прижимал к ране в боку здоровую руку, пытаясь остановить кровь.

Сэр Кормак схватился за оброненный Хельмутом молот. Рыцарь понял, что оружие Хельмута – это единственное, чего боится ночной гость, но Ремли предупредил находчивость рыцаря, и они схватились за Брузхамр одновременно с сэром Кормаком. Рыцарь почувствовал, что богатырская сила живет в его противнике.

– Оружие это не ковалось для смертных, – улыбнулся дух, – выпусти, дядя, пока не познал, для чего эту силу назначили древние.

Но сэр Кормак не слушал советов и не сдавался так просто. Набухли под одеждой бугры мускулов, потекла кровь по забытым путям, но плоть Ремли, плетеная из слюны пауков, была сильнее, и рыцарю пришлось немедля измышлять, как бы хитростью решить схватку в свою

пользу. До ударов по щиколоткам он не опустится, другой прием применить здесь сподручнее. Правая рука была наверху, значит, направление против часовой стрелки будет ему неудобнее. Сэр Кормак быстро крутанул молот по часовой стрелке (для стоящих лицом к лицу направления обращаются) и перехватил его, чтобы легче вырвать, но Ремли перехватил рукоять столь же ловко, и вот уж сапоги рыцаря поехали по камню, когда Ремли потянул на себя молот изо всех сил. Снова дернул гость на себя покрепче, и сорвались пальцы Кормака с древка, а сам он опрокинулся на Хельмута.

Ремли поставил молот на пол, придавил сапогом и вырвал из паза рукоять. Рукоять он швырнул в камин, а железную голову взвесил на руке.

– Бруз меня выковал гибель магам Мидгарда нести, ётунам – славу, – прочитал Ремли руны, украшавшие голову молота.

Под рукой врага, того самого мага, на погибель которого вырезались в железе древние руны, надписи на Брузхамре злобно светились, гневно вспыхивали и переливались красным огнем, словно стремились обжечь им неприятеля. Ремли спрятал норовистый трофей в кожаный мешок, который носил на поясе. Убирая молот, он извлек из мешка булавку. Он направил ее на Мельхиора. Из булавки вырвался зеленый луч, и колдун схватился за раздробленное колено. Заклинанием истинного видения он созерцал, как под зеленым исцеляющим лучом по осколку собираются воедино кости, сращиваются жилы и сосуды, выходит под штанину скопившийся гной. Закончив излечение, Ремли бросил булавку к ногам Мельхиора.

– Откуда? – скорее себя, чем Ремли, спросил Мельхиор, ища в памяти, когда же он видел в последний раз свою рубиновую змеиную головку. Где потерял? Когда оставил? Уж так давно не вспоминал он о ней, что и забыл, будто владел когда таким сокровищем. Ремли не ответил, оставляя Мельхиора самому прикинуть, какой долгий путь прошла его безделушка, прежде чем возвратиться к законному владельцу.

– Всякой вещи есть свой хозяин. Долго ли, коротко ли, но быть им вместе, так и с Дланью Баала, – сказал Ремли. – Путь вещь долгий может пройти, но найдется! Но прежде (до Длани) мы, Мельхиор, поглядим, что за голубчик с молотом Хмурого Бруза на меня покушение творил.

– Не трогай Хельмута, поганый, – поднялся рыцарь. – Лучше убей меня, что я не успел его остановить.

– Редко услышишь честное слово от человека, что встает с мертвого сына и полумертвого друга, хотя не друг тебе тот, кого считаешь за друга и Хельмутом кличешь. Для человека чистой души, благородных помыслов полного кубка, ты нечисти много держишь подле себя, рыцарь Кормак, – отрицательно покачал головой Ремли. – Враг мной повержен, нам пора посмотреть, кем был супостат. Истинным видением глянь-ка на тварь, Мельхиор. Очень мутная дрянь на полу разлегалась.

– Я уже смотрел его. Это простой причетник, – ответил Мельхор, поднимаясь на обе ноги, впервые за много дней чувствуя приятное ощущение естественного равновесия, не вызывающего боль, не требующего сосредоточиваться на каждом шаге, не боящегося любого толчка.

– Верю в это, – Ремли согласился с доводом Мельхиора, – но прежде Брузхамр его защищал от взоров Искусства, теперь же не будет охраны твари из недр, – Ремли подкрепил просьбу убеждением, и заклинание истинного видения пронеслось по комнате.

– Я никогда не видел таких существ, – Мельхиор отступил вглубь комнаты, едва заклинание было произнесено. – Предстань в своем облике! – крикнул он умирающему существу. – Приказываю тебе!

Ремли дал Кормаку знак отойти и спрятаться за Мельхиора. Хельмут затрясся, будто в лихорадке, и стал меняться. Кожа покрылась коростой, одеревенела, окаменела. Голова обрательлась в булыжник. Оставленная мечом Ремли рана в боку наполнилась раскаленным светом. Одежда расплзлась по швам и вспыхнула. Запах дыма и серы наполнил залу. Из рассеченного

бока, из того места, которое раньше было боком Хельмута, вытекал вместо крови жидкий вулканический камень. Когда трансформация закончилась, на полу лежало каменное чудовище.

– О, мой бедный Хельмут! – воскликнул Кормак. – Кто это, Мельхиор? Это не Хельмут!

– Голем! – предположил Мельхиор. Он однажды видел голема, тот не походил на превратившееся существо, но был самым близким к нему в опыте волшебника.

– Нет, не творенье людей перед нами, – Ремли, призывая внимание к себе, поднял вверх указательный палец. – Существо, рожденное в недрах мира огня, распласталось, повержено, немощно. Элементаль, так он в книгах по-нашенски кличется, – назвал врага Ремли. – В странствиях ты перебрал каббалы, Мельхиор, когда книги родные припомнить бы стоило.

Существо невозможным для человека способом изогнуло «руку» и оторвало кусок камня от своей спины, затем, как глиной, оно залепило им источающую зловоние рану.

– Как в Муспелльсгейме¹ погода? – спросил Ремли, с угрюмым выражением на лице выходящая вокруг элементалья.

– Муспелльсгеймом называют мир огня, – пояснил Кормаку Мельхиор космологию, которую он хорошо знал по детским книгам.

В той космологии было девять миров: Мидгардом назывался мир людей, Нифльгель был миром смерти, до сакрального числа их дополняли семь сказочных миров, которые никто никогда не видел. Таких космологий ко времени ученичества Мельхиора существовало так много, что можно было запутаться. Чтение гностических сочинений Василида, который довел число отраженных в божественном начале миров до внушительного числа триста шестьдесят пять, завершило над гипотезой множественных миров операцию *reductio ad absurdum*, и Мельхиор много лет не рассматривал ее всерьез, тем более что наука содержала и такие сведения о мире, что строились на точных расчетах. С трудами Эратосфена Киренского, который за двести лет до рождения Христа вычислил размеры Земли, Мельхиор познакомился в том же десятилетнем возрасте, в котором научился читать на греческом, с той поры он почитал мифическую картину множественных миров и всевозможных вложенных небесных сфер не более чем за сказки. С поры ученичества многое изменилось (не размеры Земли, конечно), Мельхиор узнал, что не во всех случаях расчеты верны, а когда верны, не всегда дают картину мира полную и исчерпывающую. Он побывал в соседнем мире, познакомился с чуждой расой доппельгангеров, которую знал лишь по обрывкам письменности, но в девять миров, равно как и в триста шестьдесят пять и любое другое большое число, по-прежнему не верил.

– По легендам, к Муспелльсгейму тянется один из корней древа жизни, мирового ясеня, Иггдрасиля, осеняющего собой... – продолжил объяснение Мельхиор, но звонкий голос Ремли прервал его поэзией:

Я спросил у Иггдрасиля:

Где любимую носило?

Мне ответил Иггдрасиль:

Ты б полегче что спросил

Так продекламировал Ремли, зацепившись слухом за знакомое словечко. Для него не только девять хорошо известных германским племенам миров, а девять девять миров были не частью мифологии, уснувшей в библиотечных списках под скучными латинскими названиями, а живыми страницами из книги его долгих скитаний. От углубления в поэтику и мифы их отвлек утробный рык, который не мог принадлежать живому существу, точнее, существу из плоти и крови, ведь законы природы не запрещают жизни проявляться и в других формах,

¹ Муспелльсгейм и другие имена собственные из скандинавской мифологии приводятся по классическому переводу «Старшей Эдды» Софии Свиридовой.

хотя с такими формами нам почти не приходится сталкиваться вне фантазмагорий на книжных страницах.

– Мерлин... – проклокотало поверженное существо не ртом (рта, глаз и ушей у него не было), а будто всем железнорудным нутром.

– Маски сорваны, и мы стоим друг перед другом, соперники равные, – ответил Ремли на приветствие. – Кто звал тебя, перед смертью поведай?

– Бессмертный... – утробным гласом ответило существо. Была в этом непонятность: говорило ли существо тем самым «я бессмертен» или «бессмертный», а если верно было второе, то что это значило? Что его позвал некий бессмертный или так существо повторно обратилось к Мерлину? Слова давались элементалю с таким трудом, что на разговор по душам надеяться не приходилось.

– Надо было оставить его человеком, – с досадой упрекнул себя в недалновидности Мельхиор. – Рано превратили. В форме человека он был уязвим для боли. Мы бы его допросили, но в подлинной форме проку с живого булыжника как с козла молока.

Мерлин всплеснул руками, мол, кто же знал. В своих землях элементали питались силой родной почвы, частью которой являлись, они могли общаться и вести беседу, но в чужих мирах им требовалась подходящая форма, и Мерлин понимал, что эту форму они не могли принять сами. Таких способностей у них не было. Кто-то позвал это чудо сюда, кто-то вложил ему в руку Брузхамр, кто-то подсказал, как можно, приземлив Мельхиора, завлечь в ловушку Мерлина, но кто-то забыл рассказать об ограничениях. Если бы он обратился в элементалю раньше, до того, как выпустил Брузхамр из рук, никакое оружие и магия не смогли бы причинить ему вред, но Мерлин выбрал удачный момент для атаки и гордился собой. Планы врага нарушены.

– Кто дал тебе молот Хмурого Бруза? – спросил Ремли, не очень рассчитывая получить полезный ответ.

– Земля... – выдавил камень.

Элементаль приподнялся и потянулся к Мерлину каменными руками, сил которых достало бы раздавить и колокол. Мерлин отбил атаку черными сферами заклинаний. Элементаль потерял несколько бесформенных каменных конечностей.

– Кто дал тебе форму людскую? Отвечай, и сердце твое возвращу в Муспельгейм, иначе расколот ты будешь на сотню частей! – потребовал Мерлин.

– Бальцер... – в четвертый и последний раз проклокотал элементаль.

– Теперь засыпай, – поморщился Мерлин от серного дыхания, которое вырвалось из элементалю вместе с незнакомым именем.

Волшебник вытащил меч и рассек элементалю от шеи до низа живота, если можно так выразиться, примерно применяя к камню мерки человеческого анатомирования. Посчитав рану, кровившую, как жерло маленького извергающегося вулкана, достаточной, волшебник направил в кипящее камнем нутро заклинание голубого льда. Раскаленный каменный клубок внутренностей покрылся серой пленкой окалины. Обессиленный элементаль опустил голову. Мерлин деловито пошарил в поясном мешке и выудил пару перчаток. Надев их на обе руки, он залез на каменную тушу и запустил руки в разъятое нутро элементалю. Волшебник долго копался внутри, и всякий раз, как случалось ему по неосторожности обжечься, он поминал в контексте самого низкого бесчестья матерей существ, имена которых уже никому ничего не говорили, но поиски это не облегчало. Пришлось Мерлину углубиться в живой вулкан до локтей обеих рук и дойти до самой вертепной брани по самым далеким адресам, прежде чем он извлек на свет дымящийся камень, напоминавший по цвету карбункул, а по размеру и форме – лошадиное сердце.

– Бросить в колодец, а лучше бы в море, – он отшвырнул камень к Мельхиору, и тот ловко остановил скачущий по полу булыжник сапогом. Сэр Кормак нагнулся над камнем, прикиды-

вая, сколько его замков вместе с землями может стоять это сердце, если его разбить на мелкие куски, но Мельхиор остерег его:

– Очень горячий источник их жизни! Разбить его нелегко, застудить будет проще.

И Кормак отпрянул, потому что и без окрика Мельхиора почувал лицом нестерпимый жар.

– Поди, колодец котлом закипит, – вздохнул Кормак, продолжая с безопасного расстояния пожирать глазами бесценный камень.

– Они оживать приспособлены ловко, – сказал Мерлин, перебрасывая Мельхиору огнеупорные перчатки. – Их умертвление – нелегкое дело. Пока с нас довольно, что полежит под водой сердечко. Можно отметить!

Мерлин легко оттащил неподъемного элементаря к окну, затем прыгнул в шкуры к Джону, ногой откатил его переломанное живой скалой тело и по-турецки уселся на месте покойного.

– Я благодарен за Хельмута, но не тревожь сына! – робко возмутился Кормак.

– Его бездыханное тело теперь лишь червям потревожить под силу, – Мерлин отыскал в шкурах кубок.

– Где вино, рыцарь Кормак? Где Длань, Мельхиор? – спросил Мерлин. – Губитель царств, истребитель народов под какой горой ты укрыл, в чьей могиле припрятал, чьими костями присыпал, что сила темного бога скрылась от мира? Где затаилось оружие злобное?

– Зачем она тебе? – спросил в свою очередь волшебник. – По праву трофея я ею обладаю и передам только по своей воле.

Сэр Кормак подкатил к Мерлину бочонок вина, но волшебник отбросил кубок и продолжил говорить, отвечая Мельхиору:

– Ты взял ее в руки, своей считаешь, поскольку ею был избран, ни больше, ни меньше. Промыслов добрых от Длани нам ждать не приходится. Как глубоко не прячь, опасной быть продолжает. Баал возвращается, знаки нам говорят. Как на костер побережный, Баал до нее пройдет через миры, хоть путь тот не короток.

– Для чего тебе Длань? Ты не ответил, – повторно спросил осторожный Мельхиор. Мерлин был прав, он ловко скрыл добытое у допельгангеров, но на этом его возможности исчерпаны. Учитель говорил передать Длань Мерлину, но прежде чем сделать это, следовало убедиться, что в его руках она будет не более опасна, чем в надежном укрытии.

– Пока пользы с нее – кот наплакал да вылакал. Как поступить с ней, не знаю, но ведаю верно, что грядет война в мире людей. Мои враги собираются силами. Нельзя допустить их до Длани, которые всё уж проведали. Они Баала союзники были в прежнее время. Стояли с ним заодно – не скажу, что бок о бок. Чтобы стоять бок о бок, ростом надобно равными быть, а те у чудовищных ног собирали объедки, но и тех им хватало.

– Оружие Баала в безопасности, – снова уверил Мельхиор. – Я упустил многое. Я наперво хотел тебя разыскать, как говорил мой учитель, потом почувал опасность и избавился от Длани. Потом уж ты меня заставил скрываться и бегством уклоняться от встречи, но вижу, что опасность я преувеличил. Так что у тебя на уме? Что за войну ты обещаешь? О ком говоришь ты? Расскажи, ведь я могу быть надежным соратником тебе и опасным врагом для слуг Баала.

– Издревле люди жили в соседстве с опасными тварями, что силой владели. Уменье людское к оружию стояло с той силой, как морехода сноровка супротив ярости моря. Чем милость стихии вымаливать, люди познали суть волшебства, что мы называем просто Искусством. Волшебники всякий раз давали отпор темноте, и с той поры повелось, что ни одна сторона перевес не имела, но слабли в боях, истощались ряды. Угроза спряталась в тень, а за веками спокойствия пришло и Искусство в упадок. Ты, мой друг, последний новый волшебник, о ком упомянуто будет.

– Я знаю историю: век стихий, век золотой, век серебряный.

– Я не только тебе говорю. Доброму рыцарю знать надлежит, что за распря случилась под крышей чертогов его. Ныне силы хотят власть над миром себе возвратить, пользуясь тем, что люди отвыкли от старых путей, на кромки мечей, римский огонь и машины, что камни на сто ярдов швыряют, полагаясь. Мне объявили войну. Честью меня Друид удостоил, хозяин существ бессловесных. Думал я, что по землям под небом собирает он воинство, но сегодняшний день мне возвестил, что больше задумано недругом. В мертвых мирах, самой смертью покинутых, в погибших богов обиталищах, опустевших, забытых, в атлантидах постылых он уцелевших союзников ищет. Без нашей подмоги тяжело людям придется.

– Как это связано с Баалом? Друиду известно про Баала больше, чем нам? Он возвращается? – спросил трижды Мельхиор. Много слухов кружится вокруг этого имени, как мух над коровьей лепешкой. Половину жизни Мельхиор вовсе не слышал про темного бога, но с тех пор, как в недоброе время он навестил Андзороканд, куда ни плюнь, попадешь в того, кто готов порассказать свежих слухов о Баале.

– Связи пока мне невидимы эти, – признался Мерлин, – но если власть свою утвердят древние силы, то перед Баалом склонятся, буде он явится.

– А если у Друида не возникнет желания делить мир с Баалом? Не лучше ли уйти с пути тех, кто сможет защитить людей?

– Если бы посчастливилось мне наблюдать эту битву, я бы считал, что лишь для того родиться мне стоило. Посмотреть, как Друид и его тварей орда с легионами демонов темного бога сходится насмерть... Но лучше бы бойне греметь той в безжизненном мире огня, а не на цветущих землях людей, ибо выживших будет немного, а те, кто останется, всё равно от исхода под рабским ярмом встретят новую эру. Видел ты доппельгангеров, славное некогда племя? Помнишь их мир? Не Баал, а лишь тень от длани его их сломила, в рог бараний загнула, ржой разъела бойкие души, искалечила воли, духа их крепкие стретжни в колья острожных оград превратила.

– Что ты хочешь делать?

Вместо ответа Мерлин запустил струю огня в темный угол комнаты, бросил не ожидавшим резкой заклинательной вспышки собеседникам:

– Отлучусь на мгновение, – обратился в зверя наподобие хорька или ласки и шмыгнул в подпаленный угол. Понюхав мокрым носом след от собственного заклинания, Мерлин четырьмя лапами вскочил на окно и исчез на стене.

Хозяин замка и бывший пленник остались в неловком одиночестве.

– Это и правда был Мерлин? – спросил сэра Кормак после затянувшегося молчания.

– Правда, – ответил Мельхиор.

– Ты близко знаешь его?

– Встретил первый раз.

– У него Эскалибур?

– Не думаю, а впрочем, всё возможно.

Мерлин-хорек тем временем возвратился и принял обычную форму:

– Пауки, – пояснил он свою внезапную отлучку. – Шпионы моих врагов, – добавил он, прочитав непонимание на лицах, – держитесь подальше от пауков.

– Так что?... – начал Мельхиор.

– Собираюсь делать? – закончил Мерлин. – Выпить немного. Першит известь в горле, сера режет язык, их запить бы скорее.

Волшебник подхватил руками бочонок, вмещавший ведер десять. Бочонок, который сэра Кормак с напряжением сил подкатил к порушенному месту трапезы, Мерлин легко поднял над своей головой. Запрокинув голову назад, он дернул веками правого глаза. Обычно заклинание магического щелчка делают средним и большим пальцем, но Мерлин умел творить его

веками глаз. Магический щелчок выбил из бочонка пробку, и Мерлин торопливо распахнул рот навстречу струе пьяного напитка.

– Это Эскалибур? – спросил сэра Кормак, глядя, как вино безостановочно исчезает в утробе волшебника.

Мерлин, не отрываясь от рубиновой струи, перехватил бочонок одной рукой, благо к вопросу рыцаря посуда полегчала вдвое против того, с чего он начал попойку, и свободной рукой бросил меч, которым поразил элементалю, к ногам рыцаря. Кормак и Мельхиор с одинаковым проворством устремились на стальной блеск и синхронно упали на колени, чтобы поближе разглядеть артефакт. Их радость быстро угасла.

– Новодел галльских мастеров, – вынес вердикт Мельхиор.

– Думаю, работа кузнецов Сент-Этьена, – добавил Кормак, пристально следивший за рынком оружия. Замок сэра Кормака располагался далеко от портов, но кое-какие интересные вещи добирались и до его дома. – Опять новая гарда. Когда пройдет эта мода двигать вес ближе к рукояти? – риторически возмутился он. С ворчанием человека, оставившего счастливую молодость позади, встречал старый рыцарь всякие новшества.

Бочонок в руках волшебника опустел. Мерлин в сердцах швырнул его в стену. В сердцах от того, что вина в десятиведерной посуде достало лишь едва утолить жажду, что овладела им после стычки с элементом. Отерев лицо от пролитых мимо цели капель, он призвал:

– К делам-заботам возвратимся, други!

Сэр Кормак и Мельхиор как раз успели потерять интерес к мечу Мерлина, который, как они быстро установили, не представлял для них значительного интереса и к тому же серьезно пострадал во время препарирования элементалю.

– Перед моей отлучкой вопрос был произнесен, куда же нам направить дальше стопы, – звонко проговорил Мерлин. – Ответ созрел в том котелке, что скоро варит. Из целей две мне видятся впредь прочих. Во-первых, нужно приютить Брузхамр в месте, где нас он впредь не потревожит. В очередь вторую, мне должно самому приют обрести достойный. Без башни подобающей волшебник в мире – словно сирота, лишенный крова и родных. Чтоб целей нам достичь быстрее, нам разделиться надо. По счастью ж, нас как раз собралось двое. Я возьму Брузхамр, а ты, мудрейший Мельхиор, отправишься до Alma Mater, где менторскую башню, что тебя питала ядом знаний, науки пылью и тухлятиной ученья, возведешь вторично.

– И это всё? Ты хочешь вести войну вдвоем? Не лучше ли кинуть клич, собрать воинство, как было в прежние времена?

– Тех времен нет и более не будет. Дробление людей не приостановимо ни на миг, ни кратче. Мы вдруг очнулись в расчлененном мире, где даже в перерезанных аортах клокочет гневно кровь в поиске соседской вражьей крови, где даже мертвые, чьи кости в одну землю опустили, промеж собою не согласны и распрю новую готовы в час затеять, когда покажется ногтистыми бортами корабль мертвецов Нагльфар над волнами, подъятыми подводным змием, и в небе запоем труба седьмого гласа.

– Вот цветисто же раскрашивает! Наши ученые мужи сказали бы сухо «слабость объединительных тенденций», а он вот как... Нагльфар... – вздохнул сэра Кормак, чем показал свое знакомство с последними сочинениями хронистов. Мерлин кивком принял комплимент своему стилю, который был ничем иным как «рыбьим языком», и продолжал:

– Оставь надежду на вселюдное объединение народов, Мельхиор. Коль сыщем мы подмогу среди людей, число их будет так ничтожно, что Леонида воинство спартанцев покажется в сравнении с отрядом нашим роєм римских легионов.

– Ты видишь лучше меня, хотя я потратил годы, чтобы научиться проникать в истинную природу вещей. Но всё же не стоит ли нам поменяться местами? – спросил Мельхиор, не во всем согласный с Мерлином, но отложивший споры до лучших времен. – Молот Бруза

влияет и на тебя. Лучше я возьму его и припрячу, а ты возведешь оплот по своему вкусу и страстию.

– Пока Брузхамр со мной, я слабее, это правда, но ты, держа его под боком, вовсе бесполезен.

– Я старик и пройду незамеченным. Я не древний и не привык раскидываться силой в каждой передраге. Мне не привыкать скрываться за личиной человека, не слышавшего об Искусстве.

– Слова твои мудры, но и мои не хуже. Пусть спор наш разрешит случайный очевидец! – предложил Мерлин и обратился к рыцарю. – Скажи, сэра Кормак, воин благородный, кому нести Брузхамр в место захоронения сподручнее выходит: тому, чью силу волшебства он ущербит отчасти, скажем, на две трети, или тому, кто полностью лишится дара употреблять плоды Искусства, но будет незаметен среди людей Мидгарда и положится на скрытность?

– Вопросец на смекалку, – задумался Кормак. Он не рассчитывал, что на него обрушится такая ответственность. – Всегда я полагался на силу и открытый бой. Не обессудь, Мельхиор, что не поддержу тебя в этом споре. Пусть Мерлин берет молот Хельмута, а ты оставайся с силой, которую я у тебя нечестно забрал. Я в советчики взял проклятую тварь, теперь совесть моя нечиста.

– Собирайся в дорогу, сэра Кормак, – позвал Мерлин. – Мне ты будешь подмогой. Мы и сами скрытно пойдем. Оруженосцем твоим я предстану во странствиях. Ты зрел наружностью, я ж подходяще моложав. Наш облик тонко на неправду будет походить, в неправду ж верят легче.

– Поход? Идти ли?.. – сэра Кормак, ошарашенный поступившим приглашением, упал на резной кедровый стул, единственную мебель, чудом уцелевшую в ходе сражения, вулканический запах которого еще витал в комнате, и повернулся к Мельхиору. Недавний пленник казался теперь во всем замке самым родным и знакомым человеком, у которого можно спросить совета. В голове сэра Кормака еще шумел пир, который он собирался затеять по поводу рождения наследника, рядом с пиром гремели шпоры, фыркали лошади и лаяли собаки на той охоте, на которую он потащил бы всех соседей, когда те больше не могли бы проглотить ни куска мяса, ни глотка вина. Этим мечтам не суждено было сбыться, но как же тяжело сразу от них отказаться!

– Идти и быстро! – призвал Мерлин. – Люди собираются внизу. Привлек их стук мой троекратный. За башенку набатную прими мой самый искренний «прости», сэра Кормак! Хотя, признаюсь, кладка скреплена была соплями с руганью вместо цепкого раствора.

Рыцарь поднялся и через окно посмотрел в туманную, редящую перед скорым рассветом мглу. Люди собирались у руин колокольни. Факельный огонь разгонял дымку.

– Собирайтесь, сэра Кормак, – позвал и Мельхиор. – Велите оседлать три лошади.

– Но что мне сказать своим людям? Покидать их в такой час? – беспомощно вопрошал рыцарь.

– Во время после Пендрагона, я припоминаю, – начал Мерлин, – когда бы рыцари хотели смыться от забот пошляться и постранствовать, они на поиски Грааля уходили, иначе говоря, «граалить». Легенда эта до сих пор ли в силе?

– Теперь рыцари уходят в Крестовые походы, – ответил Мельхиор, – но для сэра Кормака это не годится, поскольку он свое уже отходил, оставил в Иерусалиме молодость и силу, в Акре – тело зятя и душу сына.

– Отправлюсь в Рим за благословением, – придумал Кормак.

– Не хуже и не лучше, чем совсем без повода уйти. На том и порешим, – подытожил Мерлин.

Как ни спешили, до рассвета выйти не успели. Пока конюхи седлали лошадей, сэра Кормак послал в деревню за поверенным в делах. Сей почтенный господин звался Уитби, он отличался

преклонным возрастом и непогрешимой честностью, которую можно было назвать его единственным достоинством. Список же его недостатков был так обширен, что, упомянув склонность, вздорность, жестокость, скардность, тягу к обжорству, увлечение играми, баловство развратом, можно и остановиться, добавив только в оправдание, что во всех грехах, грешках, пороках и порочных слабостях Уитби соблюдал ту известную меру, что живет во всяком цивилизованном обществе и называется видимостью приличия.

В детстве Уитби был участником многих детских игр малолетнего Кормака. Он был лет на десять старше рыцаря, поэтому Кормак какое-то время воспринимал Уитби как своего наставника, но Кормак рос и развивался, а Уитби как бы замер на одном месте, решив, что развился, воспитался и образовался достаточно для своего места и на том с него довольно: он сумеет неплохо прожить и без дальнейшей работы над собой. Надо заметить, что его расчет во многом оправдался.

Уходя в походы, повзрослевший Кормак всегда оставлял замок, земли, сокровища, ведение сбором налогов и вершение правосудия на попечение Уитби, поскольку знал, что положиться на его слово можно, как на свое собственное. Замок стоял. Налоги собирались в срок. Деревни росли, а вместе с ними росло и число виселиц, но мало кто мог обвинить Уитби в несправедливости, ибо как ни мала порой бывала просрочка, за которую он отправлял должника плясать на веревке, как ни крохотна бывала недоимка, за которую он заковывал неплательщика в железа, как ни затягивалась его усердием реализация права первой ночи (порой на месяцы), но повод за его действиями всегда водился. Никто не мог обвинить Уитби в произволе и самодурстве. Он никогда не выходил за пределы законов там, где имелись законы, и не противоречил духу традиции в тех областях, где законов пока не существовало.

В тот предрассветный час, когда сэр Кормак послал нарочного отыскать поверенного в делах, Уитби был уже на ногах, поднятый с кровати тем же чрезвычайно шумным событием, что и вся деревня. Уитби ошивался в толпе, собравшейся на месте, где вечером стояла колокольня. Крестьяне таскали разбитые камни на хозяйственные нужды. Уитби в компании священника призывали ярость сэра Кормака и гнев божий на головы пронырливых крестьян, но их праведные голоса тонули в шуме муравьиной работы, кипевшей на руинах. Уитби не сильно преуспел в тумане и пыли в поимке злоумышленников, ведь стоило схватить кого-то за воротник или рукав, как тот тут же вырывался, оставляя за собой в лучшем случае клочок одежды, а едва Уитби придумал огреть нечестивцев посохом по голове, как ему самому приехало поленом по шапке, и не будь шапка из толстой лисьей шкуры, упасть бы Уитби замертво. К счастью, шапка была на совесть, поэтому поверенный только сверкнул искрами из обоих глаз. Собрав после фейерверка свое раздвоенное зрение обратно в точку, именуемую на языке геометрии фокусом, Уитби почел за лучшее бездейственное наблюдение. За этим занятием его и настиг конюший служка, посланный на поиски.

Уитби несказанно обрадовался подмоге, присланной из замка. Его память переполнилась именами крестьян, замеченных с рогожами, полными камней, и если он сию минуту не выплеснет ее содержимое на кого-нибудь или на бумагу, которой у него с собой не было, то все имена, хранившиеся под охраной лисьей шапки, перемешаются, и святых угодников, жития которых Уитби читал на сон грядущий до глубокой ночи, нельзя будет отличить от имен сиволапых вороватых бестий.

Конюший служка по прозвищу Рябая Харя (в миру же Лесли), не очень ему помог в перечете воров. Лесли честно выслушал все имена, которые Уитби, грозя хлесткими карами, потребовал от него запомнить для передачи сэру Кормаку, но Уитби не знал, что Лесли только недавно поступил в распоряжение конюхов, и в эти дни от него требовалось запомнить по кличкам, мастям и приметам ни много ни мало три дюжины господских лошадей, а поскольку негативное подкрепление памяти вожжами, розгами и другими способами конюшенного обихода (как вскоре докажут передовые педагогические исследования того времени) по эффективности

не превосходит плацебо, то при передаче имена крестьян и угодников в крайне невыгодной для грядущего правосудия пропорции смешались со всевозможными Ржаногривами, Белоножками и Черноспинками.

Вместе с Лесли поверенный в делах прибежал в замок. Едва представ перед ликом сэра Кормака, Уитби заявил, что некто утащил на рогоже пятнадцать камней, чему он сам был свидетелем, и потребовал от заспанного Лесли назвать первое имя в ряду ранее произнесенных. Лесли перепуганно сглотнул без слюны, как нажевавшийся риса китайский преступник, и назвал:

– Яков-дровник Пегий Схимник.

Сэр Кормак вопросительно поглядел на Уитби. Такого крестьянина он не помнил. Уитби занес руку для оплеухи, и под яростно сверкнувшими глазами поверенного служка тут же поправился:

– Постник Резвый.

Кормак вторично изобразил изумление происходящим, на этот раз подкрепив вопросительный взгляд покачиванием туда-сюда правой ладони, но Уитби не обратил внимание на хозяина, сосредоточив свою пугающую спокойствием оторопь на Лесли.

– Какой-какой постник? – переспросил из-под внимательного прищура обоих глаз Уитби.

– Каурый?.. – Лесли предпринял последнюю отчаянную попытку угадать, что или кого от него хотят.

– Что ты, рябая харя, мелешь? – оторопь Уитби прошла, сменившись вспышкой праведного гнева, и он с мнемонически-воспитательными целями вцепился занесенной рукой в сальные волосы Лесли. Надо заметить, что Уитби не затруднял себя запоминанием кличек всех дворовых мальчишек, прозвища Лесли он, конечно, не знал и назвал его так по чистой случайности. Лесли же был так поражен вежливым обращением к себе практически по имени, что даже на секунду замешкался, прежде чем преувеличенно завывать от боли. От дальнейшей расправы, которая бы, несомненно, последовала за новыми попытками вспомнить имена всех воров, Лесли спас сэр Кормак:

– Всё после, – отрубил он дознание. – Я позвал тебя за делом, – сказал рыцарь, и Уитби выпустил Лесли из рук.

– Колокольня завалилась, – догадался поверенный. – Своими глазами видел!

– От тебя первого узнал! – съязвил в ответ сэр Кормак. – Пойдем наверх, – позвал он поверенного, – глаза мои тебя б не видали. А ты помоги с седловкой, – Кормак рукой указал Лесли направление, куда тому следовало пойти, чтобы лишний раз не попасть Уитби на глаза.

Поверенный в делах, как всегда, скрупулезно записал все распоряжения сэра Кормака. Во-первых, сэр Кормак нарекал внука Ричардом, объявлял его своим прямым наследником и до четырнадцатилетнего возраста устанавливал над ним регента, коим назначил Уитби. Уитби поворчал, что четырнадцать лет – это слишком долго. В прежние времена и двенадцатью годами обходились, на что сэр Кормак резонно замечал, что современный мир требует от молодежи лучшего и более длительного образования и зрелости суждений, поэтому не дело в двенадцатилетнем возрасте входить в права. В связи с этим Уитби вменялось в обязанность в кратчайший срок, желательно в первый год регентства, назначить себе замену на случай смерти, поскольку, находясь в летах, Уитби имел шансы не дотянуть до совершеннолетия подопечного. Второй бумагой Уитби назначался управляющим именем и землями сэра Кормака на правовой основе полного и безусловного трастового доверения всех имущественных и неимущественных прав и полномочий.

У Уитби возникло чувство *deja vu*, потом что в точности такие распоряжения сэр Кормак оставлял ему уже во второй раз. Первый раз затянулся как раз на двенадцать лет, за которые Уитби практически вырастил и воспитал покойного Джона, кончившего беспробудным пьян-

ством. Сэр Кормак настоятельно просил Уитби лучше присмотреть за народившимся Ричардом Кормаком, чтобы фортуна подарила ему лучшую участь, чем его покойному дяде Джону.

В пиршественной зале оставалось еще кое-что, о чем следовало позаботиться перед отъездом. Это бремя легло на Мерлина и Мельхиора.

– Здесь в колодец его выкидывать нельзя, – сказал Мельхиор, потрогав ногой сердце элементаря, – вода неглубока. Я заберу его с собой, – предложил он Мерлину. – Ты уже несешь молот, а мой путь лежит морем. Через день я буду на корабле. Я выброшу его за борт посреди океана.

– Как понесешь? – спросил Мерлин, согласившись с планом.

Руки Мельхиора соединились крестом у запястий, и волшебник повторил заклинание голубого льда.

– На пару дней хватит, – заметил Мельхиор, потрогав пальцем обжигающе холодную поверхность сердца. – Если не успею, всегда могу повторить.

Мерлин сыскал для ноши мешок из воловьей кожи, он мог бы служить бурдюком, но оказался грубо пошит. Если сердце оттает раньше срока, мешок не сторит, как обычный дерюжный, а затлеет, и предупредит Мельхиора о необходимости повторить заклинание голубого льда.

Позвали от сэра Кормака. Третьей бумагой рыцарь подписывал долговое обязательство по отношению к Мельхиору (далее шло подробное описание примет волшебника, чтобы никто другой не смог воспользоваться распиской), согласно которому Мельхиор мог в любой момент останавливаться в замке на правах почетного гостя и мог в любое время, когда ни пожелает, покинуть замок с наградой. Под наградой понималось всё, что Мельхиор сможет найти в сокровищнице и вынести на своих плечах за ворота замка.

Мельхиор завизировал обе копии долговой расписки своей подписью. Ремли поставил «Составлено и записано в моем присутствии» в качестве свидетеля под всеми бумагами. Уитби с интересом глянул на латинскую подпись Мельхиора, а валлийский язык, которым расписался Ремли, привел его в восторг. Новый спутник сэра Кормака был весьма образован, молод, красив и светел лицом, с руками, привыкшими к перу, а не к мечу. «К чему еще привычны эти белые руки? – мелькнул в голове Уитби игривый смешок. – Уж не наметилась ли у сэра Кормака авантюра в духе сократовой школы?» – но мыслей своих он ни одной морщинкой не выдал.

Когда бумажная работа была закончена, солнце стояло высоко. Оседланные лошади застоялись на развязках, и, когда их выводили, кони нервно фыркали в ожидании поездки. Они бы предпочли, чтобы их тут же во дворе расседлали обратно, но денек выдался приятный, можно и выгуляться по полям. О том, какая их ждет поездка, лошади не догадывались, и к лучшему. Только когда на седла навесили тяжелые сумки, доспехи, копыя, мечи в ножнах, они начали догадываться, что к чему, но было поздно. Скакун Мельхиора, который на этот раз избежал участи таскать полновесный рыцарский арсенал, свысока баловня фортуны поглядывал на своих менее удачливых собратьев, чьи бока были загружены по обе стороны от седел. У них был повод опустить головы и понуро стоять в ожидании всадников.

Едва путешественники взобрались в седла, конь Мельхиора приободрился еще больше: ему и всадник достался самый тощий. Он до того зазнался, что решил показать, как легко ему будет, и отбил задними ногами, подбросив Мельхиора на ярд в воздух над крупом. Так уж открыто демонстрировать свою удачу коню всё же не следовало. Фортуна не любит откровенных бахвалов. Конь, едва не выбросивший Мельхиора из седла, тут же получил от конюха удар вожжами по морде; он недовольно попятился, и тут в зад ему вонзилась деревянная пика, поднесенная другим мучителем; конь дернулся вперед, но два конюха натянули поводья, и трензель впился в рот коню с такой силой, что едва не порвал тому щеки. Радость сменилась покорностью: значит, всё будет как обычно. Закончив отработанную процедуру усмирения, конюхи передали поводья Мельхиору.

– Обычно он смирный, но не распускайте его, господин, – посоветовал главный конюх.

Напоследок он всегда лично осматривал все сбруи, седла и уздечки, все узелки, связки и сцепки: не протирается ли где ремень, не попала ли куда грязь или, не приведи господь, камушек, который натрет коню проплешину. Ни одна лошадь – под седлом ли, в телеге или на корде на выпас – не выходила из ворот без его осмотра. Даже сэр Кормак не смел выезжать без разрешения старшего конюха, и иногда случалось рыцарю спешиваться и в последний момент менять коня, потому что перед самым выходом конюху начинало казаться, что тот как-то не так ставит ногу и лучше бы сегодня ему отстояться в деннике. Иногда кони, пользуясь своей животной хитростью, пытались симулировать и начинали припадать, ожидая, что старший конюх избавит их от работы, но старший конюх отлично знал все их хитрости, как знал он, что конь под Мельхиором начнет блажить, еще до того, как эта идея пришла в голову самому коню.

За воротами всадники разделились. Мельхиор пошел южной дорогой, сэр Кормак с Мерлином – северной. Мельхиор шел восстанавливать волшебную башню. Мерлин шел на поиски Хмурого Бруза, молот которого был одной из букв неизвестно кем загаданной загадки. Перед смертью элемец назвал имя Бальцер. Хмурый Бруз должен знать, кто тот таков, что набирает клеветов в Муспелльсгейме и раздает им оружие, похороненное при гибели богов. Давно Мерлин не общался с мертвыми, хотя нет же: совсем недавно он вызывал на разговор тень учителя Мельхиора. Хмурый Бруз, король из пещер, будет не таким разговорчивым, ну да поглядим.

Глава 2. Мир тесен

Погода портилась тем сильнее, чем ближе Мельхиор приближался к побережью. В порту Хоули было ветрено, мокро, промозгло и слякотно. Рваные тучи носились над городом так близко к земле, что подпрыгнешь – рукой достанешь. Тучи бессовестно воровали с крыш черепицу, цеплялись за кирпичи печных труб и путались благородными лоскутами небесного водяного пара с едким дымом от сырых дровишек, которыми промокшие до костного мозга жители, покрытые по неделям не сходящей гусиной кожей, пытались обороняться против всерьез принявшейся за них непогоды.

– На кой пришел? – спросили у волшебника на въезде в город. Бдительный таможенник храбро выбрался из сухого укрытия, устроенного в арочном проезде под крепостной стеной, взял лошадь Мельхиора под уздцы и стекал струями на мостовую.

– Коня продавать, – ответил Мельхиор.

– Много не дадут. Вывоз лошадей морем запрещен, – предупредил таможенник.

– Сторгуюсь, не впервой, – махнул рукой волшебник. Ему не нужны были деньги.

– Проходи, – буркнул страж и скрылся в стражничке. – Кто покидает город морем, обязан отметить в ратуше, – донеслось из двери.

– Ясно! – крикнул в ответ волшебник.

Мостовая под крепостной стеной, как показалось волшебнику, была единственной мостовой во всем городе. Лошадь Мельхиора сразу увязала в грязи. Дороги, и в лучшие дни не являвшие собой твердого грунта, из-за ливней стали вовсе непроходимы. Лужи дождевой воды и сливаемых горожанами нечистот на площадях разлились до такой глубины, ширины и мерзопакостности, что даже конь воротил от них нос и, когда ему случалось увязнуть в грязи по колено, выбирался из зловонных озер, достойных третьего круга ада, нервными скачками, и всякий раз Мельхиор рисковал упасть. Падение же грозило волшебнику не ушибами и переломами, а купанием в столь неприятной жиже, что Мельхиор предпочел бы лететь на острые камни, чем в грязевые ванны Хоули. Ради соблюдения точности измерений заметим, что колено, по которое погружался в болота перекрестков конь Мельхиора, было лошадиным, а оно, как известно, выше человеческого. Грязь библейской казнью проливалась с неба на Хоули, как сера на Содом, она лилась из окон, выделялась из земли, сочилась из дверей, из щелей, из стен, из повозок, из волов, которые их тащили, брызгала из глаз, ушей, из-под ногтей каждого из полутора тысяч жителей, текла из каждого рукава, каждой штанины, каждой шляпы, и не было в городе ни единого места, где взгляд не наткнулся бы на что-то липкое и склизкое земляно-глиняного цвета.

В защиту жителей Хоули стоит сказать, что если сравнить их грязь с грязью любого другого крупного города тех же климатических условий, то ни носу, ни глазам не будет заметно никакой разницы, однако о том, проводились ли соревнования на звание самой грязной грязи между городами, нам неизвестно. Если бы проводилась такая ежегодная ярмарка, как проводилась она для других товаров, то шансы Хоули на победу были бы не хуже и не лучше, чем у других городов.

Хоули считался портом. Не таким большим, как Дувр или любой другой из Союза пяти портов, каждый из которых содержал в боевой готовности несколько дюжин кораблей королевского флота, но настоящим портом. В те времена такого звания удостаивались не только приморские города, в которых была гавань и причалы, но и города во внутренних территориях. Объединяла порты не готовность принимать суда, а разрешение вести торговлю. За пределами портов совершать сделки больше определенной суммы было запрещено.

На рыночной площади, куда поехал Мельхиор, чтобы с выгодой избавиться от лошади, было чуть лучше. Как храм был убежищем для преступника, рыночная площадь давала непри-

косновенность свободной торговле, и поэтому была главным местом города. Умные же люди сподобились прокопать вокруг площади водоотвод, защищавший торговцев и их ликвидность от заболачивания. Грязи оставалось достаточно, чтобы утопить человека, погрузив его лицо в воду, но таких озер, как на других площадях, где можно было ненароком утопнуть без посторонней помощи, на рынке не наблюдалось.

Перейдя водоотвод по скользкому мосткам, Мельхиор добрался до лошадного ряда, где в ожидании смерти или покупателя (скорее всего мясника) стояли полудохлые клячи. Торговля шла вяло. Таможенник не солгал: лошадей, вне зависимости от племенной ценности, было запрещено вывозить из страны ради сохранения секрета породы. Для распашки полей жители впрягали в плуги волов и быков, поэтому даже совместный оборот по тягловым и верховым породам держал экономическую активность всего на дюйм-другой выше грязи, в которую всякий день рисковал опуститься лошадиный рынок. Легко сбыв доброго конька сэра Кормака торговцу, на перепродаже которого тот поднимет недельную выручку, Мельхиор спрятал серебро в карман, к тем монетам на дорожные расходы, которыми снабдил его перед отъездом сэра Кормак.

Пробираясь прочь с рыночной площади в сторону постоянного двора, на который ему указал торговец, где-то неподалеку от входа в мясной ряд, Мельхиор мельком заметил чье-то лицо, показавшееся ему знакомым. Человек тот был закутан с головой, а по вскользь замеченной прорези глаз узнать его наверняка было невозможно. Чтобы точно установить незнакомца, Мельхиор использовал заклинание истинного видения. Произнеся заклинание, он удивился запутанным тропинкам судьбы, которой оказалось угодно вновь восстановить их знакомство в дремучем лесу встреч и расставаний, и поспешил за покупателем, который, ловко и привычно путая следы, скрылся в переулках. Хлюпая сапогами по грязище, Мельхиор шел следом, рассчитывая настичь знакомого через пару поворотов, однако тот настиг его раньше. Завернутая в дубленую кожу фигура из укрытия бросилась с ножом на Мельхиора. Волшебник, хоть и не ожидал от знакомого такого холодного приема, еще не потерял мгновенных реакций самосохранения и отразил немотивированное покушение на свою особу мягким заклинанием оглушения. Напавший получил заклинание в живот, отлетел на ярд и погрузился боками в вонючую жижу. Мельхиор подобрал оброненный кинжал, оттер пальцем грязь с венчавшего рукоять королевского рубина. Этот камень величиной с яйцо куропатки в огранке, которую лет шесть-сот никто не может повторить... У кого-то он видел такой раньше...

– Салам алейкум! – поприветствовал Мельхиор гостя из прошлого. – Рад видеть, что старые привычки еще текут в твоей крови.

– Ва-а-лейкум ас-салям, – ответил, поднимаясь из грязи, старый знакомый, следуя привычке отвечать на приветствие еще более длинным приветствием. – Вот уж не думал, что Аллах доведет еще встретиться с Мельхиором, победителем джиннов, последним защитником Андзороканда, утонувшего в песках и алчности Андзора.

– Какими судьбами в Хоули, Расул? – спросил Мельхиор, жестом прервав чествования, в которых его знакомец был не менее искусен, чем в драках.

– Шли с товаром, – коротко рубанул бывший страж и отряхнулся от грязи.

– Судя по кинжалу, наш общий друг или умер, что сомнительно, поскольку в силу природной осторожности характера он еще не скоро отважится на такой поступок, или ожидает тебя где-то рядом, – Мельхиор передал ценное оружие обратно Расулу.

– Хоть ты его образумь, – ответил Расул, пряча кинжал в тайник под одежду. Он подобрал отложенный на время покушения мешок, резко взял волшебника за руку и потащил за собой мимо низких домишек в одном ему известное место.

– Разум Паласара всегда сверкал ярчайшей звездой в созвездии достоинств нашего рассказчика историй, – заметил Мельхиор, размашистым шагом поспевая за Расулом через лужи,

болота и озера. – Трудно поверить, что он может нуждаться в моих скромных наставлениях. Что приключилось с ним?

– Может, он, разум этот, будь он неладен, и был ярчайший, но теперь погас. Паласар сломлен болезнью, и если быстро не найдется исцеляющего средства, то он грозит умереть, хотя бы и супротив моих стараний, – угрюмо ответил, не сбавляя шага, не поворачивая головы, Расул.

– В болезни и на ярчайший разум может опуститься глубокое затмение безумия. Наблюдения медицины это подтверждают, – согласился Мельхиор и тревога углубила морщины на его лице. – Что за болезнь посмела опрометчиво бросить вызов верблюжьему здоровью нашего друга?

– Всё началось с обычной простуды, потом жар, кашель, лихорадка, забвение, которое лекари зовут бредом, и вот он при смерти, – ответил Расул.

– Воспалительная горячка, – поставил свой диагноз Мельхиор. – Не та болезнь, чтобы забрать жизнь Паласара. Ты водил к нему лекаря?

– Нет! – ответил Расул. – Мы остались без средств. С трудом я нашел ему сухую комнату. Если бы он разрешил заложить кинжал, он был бы спасен волей Аллаха и заботами лекаря, но я не решаюсь против его воли. Я лечу его народной медициной.

– Ах вот что, – глубокомысленно вздохнул Мельхиор. На Паласаре лежало таинственное проклятие бессмертия, наложенное столетия назад кровью дракона. Кто наложил его, тот так и не рассказал, но оно исправно оберегало его на протяжении многих человеческих жизней. Если заколдованному Паласару и может что-то серьезно навредить, то только народная медицина. – И что за средство от горячки нашел ты на здешнем базаре? Настойку мяты, ромашки, дубовую кору, сбор отхаркивающих трав? Они не продаются в мясном ряду.

– Я покажу! – пообещал Расул и отворил дверь, к которой они подошли.

Мельхиор увидел первое место в Хоули, где не было грязи. Она была рядом, поблизости, выжидательно хлопала у входа, набивалась на порог, о который, забыв о восточном суеверии, Расул очищал подошвы сапог, лежала в засаде под кривыми от сырости половыми досками, но заступала в дом только на обуви. Рядом с зиявшей щелями печуркой стояла деревянная кровать. На матрасе, набитом соломой пополам со вшами, лежал Паласар. В одном Расул оказался прав: вид у него оказался весьма нездоровый – не только краше в гроб кладут, а краше из гроба через месяц вынимают.

Мельхиор положил руку на лоб Паласару: горячо! Залез под овечье одеяло потрогать грудь: еще горячее. Во время осмотра волшебник заметил, что руки и ноги Паласара привязаны к деревянной раме кровати.

– Он всё время порывается уйти, – Расул предупредил вопрос волшебника и объяснил использованную к Паласару ограничительную меру.

«Конечно, он хочет уйти, ведь движение – его самое верное лекарство, дурень ты меднолобый», – подумал Мельхиор.

– Чем ты его пользуешь?

– Какое лекарство? – переспросил Расул. – В основном топленый козлий жир!

При этих словах из Паласара вырвался свистящий вздох, по которому волшебник заключил, что, во-первых, легкие рассказчика историй в прескверном состоянии, во-вторых, козлий жир ему не нравится.

– В этих забытых Аллахом землях его нет, можно достать только бараний. Кажется, что никакой разницы, но я думаю, именно в этой подмене причина моего неуспеха.

Расул вытащил из мешка фунтов пять бараньего жира, который выторговал на базаре, плюхнул добычу в котелок и поставил его топиться на печь, закинув в топку пару полешек. Паласар со своего одра тревожно следил за этими подготовительными операциями.

– Расскажи мне больше, – попросил Мельхиор Расула и присел к постели больного, послушать пульс.

– Это старое проверенное средство! В его действенности я не раз убеждался.

– Как это было? – Мельхиор продолжал требовать подробностей.

– Как тебе известно, я прошел школу стражей, – начал свою историю Расул. – Это было еще при прежнем шахе, до Андзора. Порядки тогда были суровые. Хиляков не жаловали, больных ставили на ноги быстро. Первейшим средством от кашля и соплей был топленый козлий жир. Его заливали больным в горло или нос в кипящем виде. Вот и всё средство. Ничего особенного, но должен сказать, что больных и соплевых среди нас не водилось, хотя в горных походах случалось очень холодно. Если же внутреннее применение не помогало, то добавлялись обтирания, и тут уж даже самые худые больные поднимались на ноги!

Мельхиору хотелось рассмеяться. Расул совершенно искренне не видел связи между «лекарством» и казнью, при которой в глотку несчастным заливали расплавленный свинец. Его и на секунду не посещала мысль, что больные «выздоровливали» не от лекарства, а от нежелания повторно подвергнуться «лечению», те же, кто был болен, изо всех сил старались не считаться за больных, чтобы избежать и первичного исцеляющего воздействия чудодейственного средства.

– Меня рано забрали из дома и передали в обучение военному ремеслу, но я помню, что один раз мой дед именно таким способом вылечил мою бабу. Та, правда, сделалась нема, но деду это совсем не повредило, напротив, он был весьма доволен результатом.

Тут уж Мельхиор не смог сдержать улыбку. Люди всегда более жестоки с теми, кто находится в слабости: к больным, пленным, малолетним или случайно родившимся без признаков мужского пола. Должность начальника стражи и богатый пыточный опыт, неизбежно приобретенный на таком посту, исказили его восприятие страданий настолько, что он не замечал ничего трагикомического в своем лечении. Пожалуй, Паласару еще повезло, что он заболел горячкой, а не страдает от непроходимости кишок. Кто знает, на что еще Расул умеет использовать топленый бараний жир.

– Скорей бы нагрелся, – вздохнул Расул. – Ему нужно вытопиться из ломтей и стать текучей жидкостью.

– Ты хочешь прогреть Паласару горло? – уточнил Мельхиор.

– Теперь поздно. Я уже несколько раз проделал это. Остается только мазать ему ступни. Я бы налил ему жир в тазик, чтобы поставить в него ноги, но на наши средства не удастся купить достаточно жира.

Ступни Паласара и вправду выглядели ошпаренными, но вначале Мельхиор не придал этому внимания: это мог быть обычный отек или нетипичное течение подагры.

– Не умаляю ценность твоего лечения, дорогой Расул, – осторожно начал Мельхиор, дабы не оскорбить богатый, но более чем сомнительный лекарский опыт своего знакомого, – но положение Паласара мне видится достаточно серьезно, чтобы использовать такие примитивные дедовские средства. Учитывая всю тяжесть обострения болезни и в соответствии с гиппократовым принципом непревосходящего вреда, я бы предложил воспользоваться самыми последними достижениями современной медицинской науки.

Расул с напряженной сосредоточенностью впился глазами в лицо волшебника. Чтобы его отвлечь, нужно что-то поистине жуткое, такое изуверство, которое даже в пыточных камерах Расулу видеть не приходилось.

– Я предлагаю подвергнуть (это слово должно вызвать у Расула особое доверие к медицинскому опыту волшебника) Паласара методу восьми трубок, впервые предложенному Авиценной (Мельхиору пришлось осквернить имя великого лекаря своей безумной отвлекающей фантазией), каковой метод требует особой доставки кипящего жира к жизненно важным органам больного. Для этого ты должен пойти на базар и купить восемь бычьих костей с полостью

серединой. Я воткну эти кости в особые точки на груди и животе нашего дражайшего Паласара, пройду ребра, минуя селезенку, войду точно в желчный пузырь, и мы вольем кипящий так горячо, как только возможно, жир через эти кости, воздействуя сразу на все органы. Болезни будет некуда деться, и Паласар с неизбежностью исцелится!

Паласар, слышавший все слова Мельхиора, снова протестующе засвистел немым ртом. Мельхиор незаметно для Расула подмигнул больному, и в ответ Паласар согласно захрипел и закивал головой.

– Слышишь? Паласар согласен со мной, он давно требует метод восьми бычьих трубок, ведь и ему хорошо известно, что это единственный способ даровать ему надежду на исцеление. Теперь же не теряй времени, Расул! Кости должны быть хорошо вычищены. А лучше – выварены!

– Ты будешь спасен! – возликовал страж. – Я достану кости, хоть бы мне пришлось перевернуть весь город и самому поймать и забить того быка! – пообещал он.

Мельхиор кинул Расулу одну из полученных за лошадь монет, и тот со всех ног кинулся на базар. Пусть побеждает. Это займет его надолго. Восемь трубок – это две коровы.

Оставшись наедине с больным, Мельхиор первым делом развязал узлы и снял путы, которым Расул удерживал Паласара от причинения себе вреда. Паласар привстал и похлопал спасителя по плечу. Судя по резкому движению, которым он подскочил на кровати, сил в нем оставалось порядочно. Его спасение было за дверью, оставалось только дойти до него. Паласар спустил ноги на пол и с помощью Мельхиора встал на ноги.

– Пойдем, – просвистел он таким сиплым, изувеченным голосом, что Мельхиор с трудом разобрал даже единственное слово. Будто не человек и не зверь, а испорченные кузнечные меха, выдувая воздух на дырявую мембрану, силились овладеть даром слова.

Волшебник надел на Паласара штаны, рубаху и куртку, натянул на голову покушанную молью меховую шапку, обул его ноги в сапоги из драконьей кожи, которые неделю сушились возле печки и должны были рассохнуть, но чудесные сапоги эти были едва ли не вечными. В таких же Паласар шеголял в их прошлую встречу, а если исключить, что Паласар находил по убитому дракону в год, то обувка у него оказывалась прямо-таки неснашиваемая.

Оглядев рассказчика историй, Мельхиор в довершение накинул на него свой плащ и они вышли под холодные струи. Без плаща волшебник сразу протек насквозь, и струи, стекавшие по волосам, заканчивали путь за отворотами сапог, но ему не привыкать мокнуть до костей. Паласар повернул от двери направо и сделал первый шаг. Он медленно разогнался. Он шел с упорством человека, заблудившегося в зимнем лесу, который понимает, что замерзнет и умрет, если остановится, но, если у потерявшегося путника каждый шаг отнимает силы, Паласар крепнул с каждой пройденной улицей. Мельхиор поддерживал его и чувствовал, как всё меньше поддержки требуется Паласару, чтоб идти.

На одном из перекрестков Паласара согнул пополам приступ кашля. Он выхаркал такое количество жидкости, что со стороны могло показаться, что его рвало.

– Так-то лучше, – проговорил он, когда приступ кончился, и голос его был слаб, но человечен. Обожженные связки затянулись. Звуки, которые они извлекали, стали членораздельными. – Чертов бараний жир. Палач! Угораздило же. Пойдем в порт.

– Мы вернемся за Расулом? – спросил Мельхиор. Уж не хочет ли Паласар прямо в таком виде погрузиться на корабль?

– О, вернемся! – ответил Паласар и злобно усмехнулся, от чего зашелся в новом приступе мокрого кашля.

Они пришли к порту. Одна посудина разгружалась. Одна загружалась. Три мокли под дождем.

– Тут есть местечко, – уверенно повел Паласар.

Местечко оказалось рыбацкой харчевней. Перед входом продавали сырую рыбу, внутри – жареную.

– Буйабас! – крикнул Паласар кабачнику и плюхнулся на низкий табурет перед колодой, служившей когда для еды, когда для разделки рыбы. – И хлеба!

– Забирай! – крикнул кабачник. Мельхиор разменял серебряную монету на кучку медяков и принес с кухни деревянную миску с рыбным варевом навроде ухи и ломоть дешевой ржаной лепешки.

– Забыл ложку, – вздохнул Паласар. – Здесь в Хоули цивилизация еще не достигла уровня столовых приборов, но, как показывает мой нос, кулинарное искусство от этого хуже не становится.

Паласар выпил из деревянной миски всю жидкость, а оставшееся на дне склизкое содержимое переправил в рот руками. Мельхиор положил руку ему на лоб.

– Жар еще держится. Тебе лучше, но ты еще очень болен.

– Я знаком с патогенезом. Нужно найти корабль или хотя бы лошадь. Мне нужно выбраться отсюда, пока этот врачующий палач из лучших побуждений не замучил меня до смерти. Он хуже, чем бабушка! – всхлипнул бессмертный странник.

– Я смогу умерить его пыл, – пообещал Мельхиор. – Он доверяет моему авторитету.

– И что ты будешь делать, когда он вернется с костями? Вытравишь ему память или кусок кровли ему на голову проклятую упадет?

– У меня всё предусмотрено на этот случай.

– Надеюсь. Я лучше тут вплавь брошусь в залив, чем вернусь в его заботливые лапы. Буйабас! – снова крикнул Паласар, и Мельхиор пошел за второй миской.

– Расскажи, как вы встретились и как дошли до такого бедственного положения, – попросил волшебник, когда поставил перед Паласаром новую порцию сомнительного блюда местного исполнения, весьма любимого средиземноморскими рыбаками.

– Ты, видно, кое-что забыл, но когда вернемся к вещам, я покажу тебе среди них одну, которая освежит твою память. А до бедственного положения нас довело кораблекрушение.

– Пираты? Шторм? Морские чудовища? – попытался угадать волшебник.

– Нет, худшее из всех судоходных горестей, что мне доводилось повидать! Беда, что наступает так внезапно, так тихо и неожиданно, что в своей непредсказуемости превосходит и коварство пиратов, и ярость стихии, и буйство подводных тварей, пожар, мальстрём, бунт, штиль, голод и цингу одновременно, – Паласар поднял вверх палец, показывая, что говорит со всей серьезностью.

– А именно? – потерялся в догадках Мельхиор.

– Пьяный лоцман с пьяным капитаном! Когда твои рулевые, которым доверил свою жизнь, добровольно лишают себя разума, это ли не худшее из возможных горестей? Когда те, на кого ты полагаешься, те, кто может, не моргнув глазом, глядеть в глаза тысяче морских смертей, бросают тебя и судно на произвол судьбы, это ли не залог неминуемой катастрофы? «Что нам делать с пьяным матросом», вопрошает одна скифская присказка, хотя «что нам делать с пьяным лоцманом» – вот о чем следовало бы вопрошать! Выбросить за борт с камнями на ногах и весовыми гирями на поясе, ответил бы я! Для нас это безумие еще обошлось. Мы наскочили на мель неподалеку отсюда. Народец в команде был умелый, лодку из палубных досок они сколотили за пару дней, но так штормило, что мы две недели не могли спустить ее на воду. Там я и простудился, а через две недели на одном месте болезнь сделалась хуже. Когда мы доплыли сюда на веслах, мне полегчало, но Расул под видом заботы заточил меня в том сыром клоповнике, откуда ты меня спас. Пребывание там вкупе с опасным для жизни лечением бараньим жиром чуть не убило меня. Китайцы говорят, что жизнь от смерти отделяет тонкая красная линия. На своем затянувшемся бессрочном веку я повидал много опасностей, перенес столько тягот пути, что после меня ни на чью долю столько не выпадет, но никогда еще рас-

сказчик историй Паласар не подходил так близко к тонкой красной линии, как в эти дни. Вой \стину, забота – худший враг мужчины! Можно самостоятельно пережить болезнь, но невозможно самому выкарабкаться из паутины заботы! Эй! Кабатчик! Тут наливают? – закончил короткий рассказ Паласар. – Теперь мне хочется выпить.

– В «Приюте» нальют, – ответил кабатчик.

– Пойдем в «Приют моряка», – расшифровал слова кабатчика Паласар.

– Пойдем, если жажда одолела, – согласился Мельхиор.

– Поосторожней там, – напутствовал кабатчик. – Народец там лихой бродит.

– Видал и хуже! – ответил Паласар перед тем, как захлопнуть дверь кабака.

Они прошлепали по грязи к «Приюту». Портовые улочки, полумесяцем опоясавшие бухту, отличались от городских улиц тем, что местами по земле были наложены деревянные мостки. Твердый дощатый настил нащупывался каблуками через грязь, но делал путь еще опасней, потому что мокрое дерево, покрытое дождевой водой и просоленное морскими брызгами, скользило, как лед.

В «Приюте» людно варилось в собственном соку морское братство. В отличие от кабака, где наскоро утоляли голод рыбаки, в «Приюте» ошивались преимущественно матросы. Гуляли, как на свадьбе: незнакомые между собой прощелыги выпивали по поводу временно объединившего их события, но всякое слово или жест могло обернуться дракой и дебошем. Иногда в зале мелькали потрепанные женщины, которых, наскоро облапав, куда-то уводили голодные после двухдневного плавания клиенты.

Паласар заказал четыре кружки ерша. В этом напитке подогретое темное пиво крепилось настойкой полыни, белладонны или другого дурмана. Сидячих мест в «Приюте» не было вовсе, и они с волшебником притерлись к полке, прибитой к стене на уровне груди. Ее сделали широкой ровно по размеру кружек, хотя ровно – это сильно сказано, поскольку все кружки в «Приюте» были разными, так как покупались в разное время у разных резчиков. Кружки были разными, но стоили одинаково, это немаловажное обстоятельство добавляло всякому посещению «Приюта» интригу и шарм азартной игры, к которым так склонны морские волки и волчата. Мельхиор пригубил напиток из наименьшей из четырех паласаровых кружек, волшебник нашел вкус ерша слишком резким для себя, и Паласар одну за одной употребил все четыре деревянные кружки. Водоворот хмельного веселья закружил Паласара. Сегодня ничто не указывало на то, что в этом месте и недели не проходило без убитого в поножовщине, но неделя была на исходе, и что-то должно было обязательно произойти.

– Давно не видел тебя, хрыч сарацинский, – пьяный знакомец упал на плечи Паласару.

– Болел, – ответил Паласар, узнав в нем моряка с севшего на мель суденьшка.

– Известное дело! Я тоже с того раза поболел маленько! Трижды похмельем и пять раз бабой! – похвалился моряк и поделился новостями. – Посудину вашу вымели подчистую.

– Сама-то еще стоит?

– Ровнехонько, где причалила! Кто твой патрон?

– Мельхиор, – представил волшебника Паласар.

– Он с такой мордой, как бушприт ...ши, – с хохотом своей же шутке отвесил моряк сомнительный комплимент.

– Ш-ш-ш-ш, – Паласар приложил палец к губам и обнял знакомого другой рукой, – он с дьяволом на ты вась-вась, – шепнул он тайно.

– Ну, будь! – отвалился знакомый, оглядев Мельхиора и даже через хмель почувствовав себя неуютно под игольчатым взглядом волшебника.

– Он из наших старых матросов, – сообщил Мельхиору повеселевший Паласар. – Судно еще стоит, но груз разворовали, но товар всё равно не мой. Отличные здесь люди. Придут в гавань, напьются на твердой почве, как честные люди, не ставя никого под угрозу, в каком-

нибудь милым местечке вроде этого. Как по мне, а этому приюту сейчас не хватает только доброй залихватской драки.

– Влияние Расула не полезно для тебя, мой друг, – ответил на это замечание Мельхиор. – Жаль ваш груз.

– Этого торговца? Да прости! Расул теперь смиренным котенком. Заделался торговцем. Возит шмотье Лезаху, все убытки его, а у него таких кораблей ходит... тьма! Помнишь Лезаха?

– Не очень, – признался Мельхиор. Имя он где-то встречал, но что за человек скрывался за именем, не помнил.

– Вы познакомились у Фраман Раджа в том городишке, которым сейчас пугают детей. Лезах. Купец из Ширази. Отличный мужик. Такой домик у него роскошный. Я заскакиваю к нему иногда. Умеет жить, – хмель добрался до головы Паласара. Его льющая, изящная речь рассказчика историй огрубела до коротких, рубленых фраз. – Расул теперь побегушка у Лезаха. Так вот драка, о которой я говорил, я же не сам подраться хочу, а посмотреть. Я еще не сошел с ума, чтобы самому лезть с головой в бутылку, а если посмотреть, то кому ж от этого плохо? Иначе и рассказывать будет нечего, а это для рассказчика историй вроде твоего покорного слуги хуже, чем неурожай для пахаря. Тут всегда что-то случается, но не сегодня. И довелось выздороветь в такой скучный день!

«Накаркал», – подумал Мельхиор. В зале было два окна, завешенных непрозрачными бычьими пузырями молочного света. У обоих волшебник различил тени. Их не было, когда они пришли. Тени появились только что. Он произнес заклинание истинного видения, но стоявшие за окнами остались скрыты. Это плохо. Мельхиор потрогал булавку, которую вернул ему Мерлин. Без нее в мире, где объявился Брузхамр и Искусство больше не единственная сила, пришлось бы худо, но с ней мы еще посмотрим, кто кого.

– Они сейчас войдут. Соберись, – предупредил Мельхиор, и Паласар тряхнул головой, чтоб хоть немного сбросить хмельную завесу.

Дверь «Приюта» от могучего удара ввалилась внутрь. Веселая матросская ругань и нескладные морские песни враз смолкли, только томные вздохи и сладкие попискивания, раздавшиеся из комнат позади пивной, стали различимы в наступившей тишине, но при лязге доспехов затихли и свидетельства любви по скорым уговорам.

В зал вошли шесть вооруженных рыцарей в доспехах, в полной скорлупе: в шлемах с закрытыми забралами, с мечами и щитами. Двое заняли дальние фланги, двое – передние, один перекрыл дверь, шестой, по-видимому главный в отряде, встал в центре. Его крест, судя по размеру, архиепископский, висел на золотой цепи поверх железной кирасы доходя почти до живота. Тени у окон оставались на посту. Итого их по меньшей мере восемь. Мельхиор приник к полке и придвинул к себе пустую кружку. Сначала следует присмотреться, но маскировка была так себе. По одежде и внешнему виду они с Паласаром выделялись в толпе как парочка лис в свинарнике.

– Паладины, – шепнул Паласар, называя пришедших, и поочередно наклонил к себе каждую кружку, проверяя, не осталось ли чего на донышке.

– Мы ищем колдуна по имени Мельхиор, – объявил рыцарь, стоявший в центре. – Рост шесть футов, возраста зрелого, глаза карие, волосы длинные с сединой, бороду и усы бреет, носит плащ из кожи с узорчатым тиснением. Эй ты, – рыцарь указал на Паласара, – у тебя плащ с тиснением. Шаг вперед! Встань ровно!

– Во мне с трудом пять футов с половиной господин, – усмехнулся Паласар. Он отвлекся от кружки, выступил вперед и вытянулся во весь рост.

– Ты прав. Как тебя зовут и где ты взял этот плащ? – спросил рыцарь.

– Я несчастный Теодорих Трапезундский, – с хода выдумал себе кличку Паласар, соединив имя старинного готского вождя, чью гробницу он видел в Вероне в прошлом году, и Трапезундское царство, в котором он гостил двумя годами ранее. – С утра один благородный гос-

подин увидел, что мне холодно в болезни, и, снизойдя к моей немощи и страданиям, надел мне на плечи свой плащ, да будет благословенна его щедрость и его имя.

– Ты знаешь, кто это был?

– Разумеется, знаю. Благодетели редко безымянны. Они предпочитают видеть свои имена и лики на стенах соборов и слышать, как с молитвами ими облагодетельствованных их добрейшие имена возносятся к небу, в обиталище ангелов...

– Как его звали? – перебил рыцарь.

– Звали его так смешно... На железо похоже... Сейчас... Сереброборо, что ли... Или Оловянчик. Нет, не так... Бронзецки! Нет, снова не так! Мельхиор. Вот! Именно Мельхиор. Память еще мне не отшибло, – юродствовал Паласар на потеху матросам.

– Где это произошло? – спросил рыцарь, кивнув остальным, что след взят.

– Где он отдал мне плащ? На улице Дерюжной. Или рядом с ней. Тут нет названий, а я чужеземец. Но я запомнил, что там много грязи. А на соседней улице, где грязи было поменьше, стоял колодец, этот господин ссудил меня монетой, чтобы я мог промочить горло.

– Тебе известно, где сейчас может быть Мельхиор? – спросил рыцарь.

– Этот господин может быть где угодно, хотя мне показалось, что он намеревался зайти перекусить в кабак в порту.

– Ты не врешь. Мы были там, он там действительно был и ушел. Куда он мог пойти оттуда?

– О, могучий господин, я не вру, я никогда не вру, не лгу, не юлю и не привираю, если речь не идет о походах к веселым девицам. Опять-таки пойти этот самый Мельхиор мог, куда сердце пожелает, но мне кажется, что его понесло пропустить стаканчик-другой-третий в матросскую пивную вроде этой. Вы точно везде внимательно посмотрели?

– Хм, – рыцарь задумался. Матросы кругом посмеивались. Через знакомца Паласара весть о том, что именно разыскиваемый Мельхиор стоит сейчас у стены, растеклась по всем ушам в «Приюте», не достигнув только упакованного в шлемы слуха паладинов.

– Или ты слеп, как крот, или туп, как колода, – не выдержал стоявший в ярде от распинающегося Паласара Мельхиор. Рассказчик историй мог водить не шибко соображающего рыцаря за нос довольно долго, но рано или поздно рыцарь заберет его вместе с плащом как доказательство проделанной работы, а разделяться с другом, едва встретившись, волшебнику не хотелось. Он продолжил третировать рыцаря, – или же ты туп и слеп совместно, ибо одно не исключает второго. Во всех трех случаях тот, кто поставил тебя капитаном, был неразумен в выборе.

– Кто ты такой? – спросил рыцарь, озадаченный таким тоном. За эти слова он зарубит старика, едва закончит расспрос этого странного Теодориха, получающего плащи и монеты на Дерюжной улице рядом с колодцем.

– Я Мельхиор. Я дал этому человеку плащ и заплатил за его выпивку. Надо быть деревянным ульем с досками вместо черепа и сотами вместо мозгов, чтобы не понять, что над тобой с самого начала насмеваются.

Публика поняла, что игра закончена, и рыцарей окружил довольный, более не скрываемый хохот. Ловко их поводили за нос эти двое. Интересно, как они собираются выкручиваться дальше?

Капитан подозвал двух рыцарей. Достав бумагу, они некоторое время совещались, указывая пальцами то на Мельхиора, то на лже-Теодориха, после чего капитан с крестом на пузе объявил собравшимся:

– Высшем приказом святого ордена паладинов колдун и чернокнижник Мельхиор приговорен к смерти по обвинению в колдовстве и чернокнижии, ереси пелагианской и павликанской, совершении обрядов и принятии родов, отравлении и мошенничестве. Вы все слышали,

что этот человек сам назвался Мельхиором. Приговор властью, мне данной свыше, да будет приведен в исполнение сейчас же! Убить его!

Рыцарь из левого фланга двинулся к Мельхиору. Волшебник запустил в него оглушающим заклинанием. Рыцарь прикрывался щитом и заклинание лопнуло на железе бессильным хлопком, никого не задев.

Капитан громко рассмеялся.

– Орден паладинов под защитой пресвятой Девы. Твое чернокнижие тебе не поможет. Склони голову, заблудший!

Мельхиор повторно применил истинное видение к паладинам. Его интересовала их защита. Что у них имелось против Искусства, кроме новеньких доспехов?

– И поэтому позади ваших щитов начертаны языческие руны? – уточнил у капитана Мельхиор, получив сведения о природе защитных средств, примененных паладинами.

– Прикуси язык, пока тебе его не вырвали! Обвинения святого ордена, изрыгаемые пастью языческого зверя, не запятнают его святую славу!

– Чью славу, зверя или ордена? А пока будешь думать, самозванец, наскреби-ка в своем улье ответ на первый вопрос: руны это начертаны или нет? Полагаю, мне удастся прочесть на твоём нагруднике даже чье-то имя. Хоть начертано оно изнутри, между кольчугой и панцирем, но мне оно видимо. Если мне не изменяют глаза, чрево твоим именем Хмурого Бруза хранимо, королем из пещер, а имя Девы, да будет тебе известно, пишется несколько иначе.

– Убейте смутьяна, что смеет порочить святое имя!

Мельхиор потянулся к булавке и походя бросил взгляд на правое окно. Фигуры за ним уже не было. Только несколько бурых капель ползли вниз по пузырю.

– Вот тебе и драка, – Мельхиор увернулся от удара мечом и оттолкнул Паласара так сильно, что тот отлетел под ноги матросам.

Второй удар рыцарь нацелил так, что уворачиваться Мельхиору было некуда, он оказался зажат между толпой и стенкой. Сорванная булавка сверкнула в пальцах и обратилась в посох. Мельхиор отразил своим оружием несколько ударов и выбил меч из рук рыцаря. Носком сапога он откинул оружие в сторону Паласара, поднявшегося на четвереньки. Мельхиор взглянул на левое окно, теперь и за вторым бычьим пузырем было пусто.

– Сдавайтесь, – предложил Мельхиор. – Вы в меньшинстве.

– Ты, должно быть, слаб в счете, – усмехнулся капитан, но тут позади него что-то звякнуло и рыцарь, закрывавший собой дверь, с лязгом упал на колени. Позади заколотого под лопатку паладина стоял, замотавшись до самых глаз в кожаные одежды, с мечом в одной руке и кинжалом в другой бывший начальник стражи шахского двора, гроза сельджуков и кошмар неверных, Расул. Он убил в бою своего сотого воина. Он считал только убитых с боя, «а всех приконченных мной по казематам сочтут только на небесах», говаривал начальник стражи про прочих.

– Отнюдь, капитан. Я этого господина за пятерых посчитал, – объяснил свой расчет Мельхиор.

Расул бросился на ближайшего рыцаря. Паласар подобрал меч, который подбросил ему Мельхиор, на карачках подполз к обезоруженному рыцарю и, пользуясь тем, что в шлеме нижнее поле зрения сильно ограничено, воткнул меч тому в коленное сочленение доспехов. Рыцарь, ойкнув, упал, и Мельхиор опустил посох ему на забрало. Колдовской посох в момент удара потяжелел десятикратно, пробил забрало, и из шлема выплеснулся фонтанчик крови. Удар был так силен, что на дощатом полу осталась выдавлена округлая вмятина, история о которой будет кочевать из уст в уста до тех пор, пока те доски не пожрет огонь пожара.

Мельхиор запустил молнию в спину капитана, но получилось не лучше, чем с оглушением. Заговоренные именем короля из пещер доспехи защищали паладинов от магии. Расул тем временем разобрался в двумя рыцарями у двери. Оставался еще один и капитан. Послед-

ний рыцарь бросился на Паласара, угадав в нем самого слабого противника. Рассказчик историй отбил удар, но, непривычный к оружию, действовал ненадежно, а потому выронил меч и снова отлетел в толпу матросов. Расул настиг рыцаря, шедшего на добивание, и ударом в затылок отправил того на пол. Капитан недоуменно смотрел на свой перебитый отряд.

– С кем хочешь биться? – спросил Мельхиор у капитана. – С господином *за-пятерых* против острого меча или со мной против Искусства?

– С тобой хочу, колдун! – ответил капитан и поднял перед собой щит. – Твоя сила не властна над святым именем...

Заклинание вылетевшее из посоха расколело щит пополам.

– Перед именем Хмурого Бруза, хотел ты закончить? Есть имена и пострашнее, чем твой мертвый король.

– Пощади! – капитан, бросив меч, упал на колени. – Я знать не знаю никакого Бруза!

– Что скажет народ? – обратился Мельхиор к матросам.

– Смерть ему! – загудела толпа. – Вздернуть самозванца!

– Веревку! – потребовал волшебник, и она мигом появилась – крепкая корабельная снасть в два роста длиной.

Мельхиор перекинул веревку профессионалу плахи. Получив моток, Расул на бегу свернул висельный узел и накинул петлю на шею капитану. Веревка перелетела через балку, несколько человек подхватили и подняли рыцаря. Когда через мгновение веревка была закреплена, добровольные помощники расступились, и капитан, задыхаясь, повис на веревке. Он дрыгал ногами и пытался поднять руки, чтобы взяться за веревку, но доспехи сильно ограничивали его движения.

– Можно ускорить наступление смерти? – спросил Мельхиор у Расула, как у более знающего.

– Разумеется, – ответил Расул и прыгнул на болтающегося рыцаря. – Вот бычья же шея! – выругался он, отцепляясь от висельника. Позвоночник никак не ломался.

– Божий суд! – вздохнул кто-то в толпе и шепот распространился по морякам. Если повесть человека не удавалось, то он должен быть отпущен.

Мельхиор уменьшил посох до размера волшебной палочки и подошел к капитану. Он вставил палочку в ножны на место меча. Ножны крепились к доспехам самыми прочными ремнями, ведь от их надежности зависела жизнь рыцаря. Теперь она снова зависела от их прочности, но наоборот.

– Если ножны оборвутся, он будет свободен, – объявил он толпе и увеличил вес палочки до десяти пудов. Шея капитана хрустнула, а ремни, державшие ножны на поясе, лишь надсадно скрипнули, легко взяв вес.

Когда капитан испустил дух, матросы взорвались радостным гулом: никому не хотелось его отпускать. Мало ли кого он приведет за собой. Не каждый день случается такое зрелище, да и новое украшение очень подходило «Приюту», хотя и сослужило ему в итоге недобрую службу. Новый отряд паладинов явится сюда через неделю. Они заберут тело и сожгут местечко дотла, но до тех пор раздетый до исподнего капитан будет исправно встречать и провожать посетителей «Приюта» скрипом веревки на сквозняке от отворяемой двери. Но это случится через неделю, когда почти все свидетели расправы будут уже в море, а пока предстояло распределить трофеи.

– Всё, что мы не заберем, даруем в пользу моряков! – объявил волшебник, чем снискал еще большую любовь публики..

Мельхиор позвал посох. Обернувшись булавкой, он выпрыгнул из ножен, прозмеился по грязному полу, заполз по ноге и вспрыгнул в свое место на воротнике. Когда-то Мельхиор странствовал с поклажей, у него был сундук, в том сундуке потайной ящик, в нем коробочка, и в той коробочке жила эта булавка. Лихие времена настали: о поклаже, кроме той, что втис-

кивается в узкие седельные сумки, не помечтаешь, а змееголовую булавку приходится всегда держать на виду, под рукой.

– Один еще жив, – заметил Расул, показав на того рыцаря, которого оглушил рукоятью меча по затылку одним из последних.

– Прихватим с собой, – сказал Мельхиор. – Нужно осмотреть их доспехи.

Возмутители спокойствия, груженные одним паладином, покинули «Приют». Расул и Мельхиор попеременно несли оглушенного рыцаря на спине. Паласар тащил пару мечей и шлем. За время похода хмель из него порядком выветрился.

В их кособоком домишке было тепло и уютно. Перед тем как отправиться на поиски Мельхиора и Паласара, Расул подбросил дровишек в дырявую печку, они еще догорали, окутывая дымом не только Хоули, но и – через многочисленные щели – комнатку. Пленного паладина освободили от доспехов, бросили на ложе больного и привязали к кровати теми же веревками, какими был заботливо закреплен на постельном режиме Паласар.

– Метод Авиценны? – спросил Расул.

– Что? – не понял Мельхиор. Наскоро сочиненная фантазия под напором событий изгладилась из его памяти, но Расул помнил всё.

– Восемь трубок? – уточнил он, показывая на добычу – восемь вываренных бычьих костей.

– Мне кажется, Паласару уже легче, чтобы подвергаться такой опасной операции, однако если ты настаиваешь...

– Для верности? – не отступал Расул.

– Вот только я позабыл, куда точно втыкать кости. Я бы мог проверить пару отверстий на тебе, скажем, безопасно попасть в печень не очень легко, – задумчиво рассуждал Мельхиор. – Я волью в тебя совсем немного жира. Просто чтобы проверить, что он попадает в нужное место.

– Думаю, Паласару уже лучше, – отступил Расул, жадно впившись глазами в новую жертву, закрепленную на прокрустово-гиппократовом ложе. – А на нем не желаешь проверить?

Волшебник не ответил, он уже внимательно осматривал доспехи. На всех были начертаны защитные руны. Под этими заклинаниями темные воины ходили против магов Мидгарда. Было это в такие далекие времена, что даже Мерлин знал их по рассказам. Эти рунические заклинания давно забыты и похоронены, но оружие и доспехи блестели свежей ковкой, они были только из кузниц, из самых обыкновенных людских кузниц. Это не ровесники Брузхамра, не кованные в потустороннем Муспелльсгейме артефакты, в которых ходила бывать людей дружина короля из пещер. Кто-то нанес руны на обычные доспехи, чтобы дать носящим их защиту от магии. Это война. Мерлин был прав: война надвигается. Его враги знают, с кем имеют дело, и готовятся к ней с коварной изобретательностью. Защита, которую даруют руны, слаба. Молот Хмурого Бруза оказался не по зубам даже хтонической магии Мерлина, а со щитом капитана справилась булавоочная головка. Но защита рун недостаточно слаба, чтобы не обращать на нее внимания. Ничтожной ее не назовешь. Если бы не ратное мастерство Расула, Мельхиору пришлось бы туго в бою с численным превосходством. На всякий случай Мельхиор проверил захваченного рыцаря истинным видением: не прячется ли и здесь под личиной человека какая-нибудь тварь из дальнего мира, но рыцарь оказался обыкновенным человеком.

– Хотелось бы, пользуясь блаженным мгновением отдыха и мира, которое, как мне подсказывает чутье, будет лишь краткой минутой утишения наших хлопот перед наступающей бурей событий, что понесутся по морям и землям круговертью невероятных авантур, устранить одно недоразумение, – Паласар отвлек волшебника от изучения вооружения. – Мне удалось услышать, как многомудрый Мельхиор назвал главу того презренного отряда, что в безрассудной глупости рискнул бросить нам вызов, самозванцем. Суждение им было вынесено на основании того, что тот забывший честь высокородный пес прибег одновременно

к защитам двух высших сил, отношения между которыми весьма спорны в нынешние времена. Не в защиту памяти – да сотрется она навеки с лица земли! – этого презренного овцебарана, справедливо вздернутого за все его заслуги, а дабы не оставалось досадных лакун в познаниях великого волшебника, я замечу, что он вовсе не был самозванцем.

Орден паладинов – это действительно организация, образованная по принципу рыцарского ордена. Тайна его рождения, его верховный глава и место пребывания политического сосредоточения высшего совета покрыты для непосвященных тайной. Мне доводилось слышать о паладинах один лишь последний год, что говорит о недавнем образовании ордена. В своих моральных заблуждениях они намного превзошли все, до того встречавшиеся, взяв за девиз «мир без скверны – любой ценой» и «мы – нетерпимы».

Под эгидой гуманизма паладины запятнали себя позором многих преступлений. Их карательные или, как они сами их называют, «очистительные» миссии направлены на истребление тех, кто занимается недопустимыми практиками, и на устрашение прочих. Их орден, к счастью, располагает лишь малым числом фанатиков. Пока они могут позволить себе лишь отдельные показательные убийства, однако сегодняшняя стычка показывает, что их покровители весьма осведомлены в путях Искусства и сами не гнушаются практик, которые преследуют их последователи. Проходя не так давно через Вечный город, мне посчастливилось говорить с Папой, и в приятнейшей беседе, которой соблаговолил наградить скромного рассказчика историй великий понтифик, узнать, что орден не располагает одобрением Рима и, более того, никогда не вступал в открытые или тайные сношения с церковными властями. С тех пор прошло немало времени, но я надеюсь, ничего не поменялось в этих отношениях.

– Странно, что я про них не слышал, – впитывал новые сведения Мельхиор. Рассказчик историй, как всегда, был в лучшем виде осведомлен обо всем, творящемся в мире.

– До сего дня их орден не был замечен за проливом, но в землях континента его сложно пропустить, – ответил Расул.

– Да, последний год я не покидал острова, – согласился Мельхиор. – Они преследуют иноверцев? Вроде вас?

– Нет, они не рискуют, – ответил Расул и не преминул похвалиться, – урок Крестовых походов крестоносцами усвоен. Они берут кого помельче.

– Ведьм, колдунов, знахарок, одиночек или совсем мелкие группы. Они не тревожат крупные секты вроде альбигойцев или их ветвей, оставляя расправу с ними настоящим орденам, имеющим для таких дел военную мощь, золото и папские буллы, – дополнил Паласар.

– Откуда тебе известно про альбигойцев? – спросил Мельхиор. Он долго не общался с миром, не слыхал новостей. Он провел много месяцев выдумывая способ спрятать Длань Баала от корыстных взоров тех, кто придет за ней. Потом его отвлекло бегство от Мерлина, который оказался вовсе не злонамеренным охотником за реликвией, как казалось поначалу. Это заняло у волшебника промежуток между двумя зимами, когда он не мог позволить себе следить за новостями и оставался в темноте неведения.

– А куда я двинулся из Рима? Конечно, к альбигойцам! Собрать новые истории и рассказать старые. Их увлекательное верование дает пищу для ума, открытого новому.

– Еретики! – донеслось с кровати ворчание пленного паладина, пришедшего в себя после крепкого удара.

– Ты про нас или сектантов? – уточнил Мельхиор.

– Про всех! – ответил пленник. – Гореть всем на кострах!

– Про всех, кроме себя единственного, – с сарказмом подытожил волшебник.

– Как ты оглушил меня через шлем? Каким колдовством? – буркнул пленный.

– При ударе сюда, – Расул встал над пленником, поднял трофейный паладинский шлем, чтобы тому было видно, и указал на нижнюю заднюю часть железной стенки, – он идет вот так и бьет в уязвимую точку черепа, прилегающую к мозжечку. Это военный всаднический

шлем, его форма рассчитана на лучшую защиту от режущих мечных ударов при лобовой атаке. В охране же знают, что обезопасить себя от коварных ударов сзади, которым более всех атак подвержена ночная стража, можно только шлемом с шейным удлинением в виде цельной пластины, а не с лоскутом кольчуги. Ты бы знал это, воин, если бы больше упражнялся с оружием, чем со словами.

– Твоя школа ему больше не пригодится, – остановил лекцию Мельхиор.

– Тогда допросим его, – предложил Расул, отложив шлем и хищно потирая ладони. – Забьем ему рот тряпьем. Соседи не отличат его крики от стонов больного Паласара, а бараний жир еще не остыл, – он указал на котелок, подогревающийся на печке, куда начальник стражи подбросил свежие поленья.

– Не стоит трудов, – остановил Расула Мельхиор. – Я уверен, что это упертый фанатик и он ничего не скажет, не в первый день уж точно, а времени у нас не так много.

– Ничего не скажу, хоть кожу сдирайте! – подтвердил пленный.

– Я ведь могу! – угрожающе произнес Расул, попробовав на подушечку пальца остроту кинжала: затупился. Расул сел на пол, скрестил ноги и принялся водить клинком по обломку точильного камня.

– К тому же он не может знать ничего ценного, – продолжил Мельхиор хитроумную игру, которую только что сообразил. – Этот вооруженный бродяжка лишь пешка в большой игре, всё, что он знает про орден, так это пару плохо выученных обетов. Их не посвящают в высшие тайны, я уверен, что наш милейший Теодорих (Мельхиор запомнил ложное имя Паласара) знает про орден паладинов больше, чем этот второсортный мечник.

– Я знаю всё! Многое! – не выдержал сравнения пленный. – Но вам ни слова не скажу.

– Вот если бы мы притащили капитана, хотя и он ничего не знал. Такова структура всех эзотерических орденов и групп. Они вслепую используют рядовых членов, повсеместно обманывая их и вводя в заблуждение, – вздохнул Мельхиор, обращаясь как бы к Паласару.

– Не клевети на наш святой орден, плешивый козел! И не порочь своими устами имя нашего храброго полководца! Что вы сделали с сэром Родериком Могучим?

– Я повесил его под радостное ликование толпы, – подал голос Расул и под нос себе добавил, – совсем как в годы отцветшей юности.

– Не перебивай нас своими глупостями, – увещевал паладина Паласар, чтобы обострить в нем противоположное желание сопротивляться своим захватчикам и говорить, когда его не спрашивают. – Пленный не говорит без спроса, не задает вопросов, а только отвечает, когда к нему обращаются. К тебе кто-нибудь сейчас обращается?

– Я готов биться об заклад, что этому несчастному обманутому не известно даже имя главы ордена, – предложил спор Мельхиор.

– Я бы принял твой заклад, – вздохнул Паласар, – если бы не был уверен ровно в том же самом. Откуда ему знать?

– Его зовут Рудольф Бец! – выпалил оскорбленный пленник.

– Никогда не слышал о таком, – Паласар принялся грызть ноготь.

– Я тоже не слышал, бродяга какой-то, – согласился волшебник.

– Рудольф Бец – величайший человек, которого скоро признают святым! Он посвящен в такие тайны, какие колдунишкам вроде вас неведомы! Ему ведомы проходы в ад и на небо, а вы все отбросы, которых пожрет огонь очищения! – не выдержал пленный продолжающихся издевательств Мельхиора и Паласара, которые жгли его сильнее, чем обжигал бы Расул, будь у него возможность взяться за любимый бараний жир.

– Гипотетически предположим и временно допустим, что есть какой-то Рудольф Бец, – и бровью не повел Мельхиор, услышав про проходы, – тогда уж всяко очевидно, что этот несмышлениш не видал его. Ему задурили глупую головку, сказав первое попавшееся имя. Готов вторично биться об заклад, что он никогда не видал этого Беца.

– Ты проиграл все свои заклады, нечестивый чернокожничек! – распаялся пленный. – Я видел нашего верховного предводителя! Своими глазами видел, как тебя сейчас!

– Урод какой-нибудь, – снова подбросил хворосту в костер болтливости Мельхиор. Паласар отвернулся и прикрыл лицо руками, чтобы улыбка, которая против всех усилий растеклась по его бледному лицу, не испортила настрой пленного.

– Он красивейший из людей! Белокурый воин, одним взглядом голубых глаз испепеляющий врагов веры!

– Вот видите, всё врет! – не уступал Мельхиор. – Если бы он видел этого Беца, в чьем самом существовании мы до сих пор не уверены, то он мог бы сказать, где он его видел, а этот несчастный, которого столько водили за нос, не может этого сказать и сейчас начнет запинаться и выдумывать.

– В Ютландии! Я видел его своими глазами в Ютландии, в твердыне нашего ордена! – глотая слова от нетерпения, выкладывал пленный. – Я видел его окруженного такими же святыми воинами веры, как и он сам! Я слышал его напутствия. Я слышал из его богоугодных уст и твое мерзкое имя, Мельхиор. Он знает тебя, и тебе лучше спрятаться в глубокую выгребную яму, пока он не нашел тебя!

– Ты был прав, Мельхиор, – Паласар собрался с силами и почувствовал, что теперь может противостоять смеху и ни одна неуместная ухмылка не заползет на его губы. Потребовалось немало душевного напряжения, чтобы стереть с лица улыбку и взять требуемый серьезно-озабоченный тон, но рассказчик историй выиграл эту битву. – Этот несчастный слепец ничего не смыслит в страноведении. Ведь если бы он и правда хоть раз ступал на землю Ютландии, то он бы сказал, происходила эта встреча к северу от Лит-Фьорда или к югу от него, но судя по его низкому лбу, который еще со времен античности считается верным признаком невысокого ума, он даже никогда не слышал про Лит-Фьорд и сейчас в страхе, как пойманный за шалостью ребенок, выдумывает, как бы выскочить из той ловушки, в которую его завела ложь, столь постыдная для человека, в чьей этической доктрине так часто звучит слово «истина».

– Конечно, к югу, пустомеля! – в очередной раз проговорился пленный. – К северу от Лим-Фьорда только коров пасут! И пролив называется Лим, слышишь, Лим-Фьорд!

– Но и к югу от него крупных поселений не так уж много, – Паласар искусно и вовремя подхватил тонкую игру допроса. Рассказчик историй знал о странах и землях много больше Мельхиора. Волшебник не забивал память посторонними названиями и не смог бы так аккуратно подводить пленного к точному месту, как это удавалось Паласару. – Уж не в пастушьей ли хижине располагается твердыня паладинов, ведь так и придется заключить на основании твоей невинной лжи.

– В Орхусе! Это было в Орхусе! В оплоте истинной веры! Ты не слышал разве об Орхусе, жалкий сарацинский прихвостень безродного чернокожничка?

– Ах, вот оно что? – притворно задумался Паласар. – Тогда всё верно, точнее, всё ложь. Это точно не могло случиться в Орхусе. Как бы могло всё, что ты говоришь, произойти в Орхусе, ведь там есть порт, церкви, ратуша, но я ни разу не видал крепостей? Ни паладинов, ни каких прочих.

– Я не говорил про крепость! Я говорил про твердыню. Это происходило в монастыре! На острове!

– Думаю, довольно, – остановил допрос Мельхиор. – Нам надоело на каждом слове ловить тебя на лжи. Твои речи годятся разве для того, чтобы унавоживать ими землю. Как я и сказал вначале, ты ничего знаешь, поэтому бесполезен для нас и сейчас умрешь, поскольку теперь ты узнал о нас больше, чем мы о тебе.

Волшебник сделал странную фигуру пальцами правой руки, и один из обрезков веревки, который остался от привязи Паласара, ожил. Конец вскочил на кровать и по-змеиному подполз к голове пленного. Затянувшись на шее, он начал медленно душировать беспомощного паладина.

Когда его глаза закрылись, Мельхиор остановил веревку. Волшебник склонился к пленному, посмотрел на пульсирующий сосудик, вздущийся на виске, послушал тихое дыхание паладина и провозгласил:

– Умер! Status mortis.

– Мир духу этого несчастного лжеца, – притворно вздохнул Паласар, также прекрасно видевший, что паладин лишь притворился задушенным.

– Давай заколем его для верности, – предложил Расул, так и не понявший замысел волшебника. – Я никогда полностью не доверяю удушению.

– Если я говорю умер, значит, умер. Он был бесполезен для нас, только время потеряли. Хорошо, что они направились за мной. Пока они преследуют нас, идут по ложному следу. Им следовало бы отправиться за Мерлином на север. Ведь именно у него то, что они ищут, а он уже, почитай, добрался до Норвегии. Там им его никогда не сыскать, а теперь поспешим за нашими лошадьми, здесь больше нельзя оставаться.

– Куда мы поскачем? – спросил Паласар.

– В замок сэра Кормака, – Мельхиор в очередной раз подкинул пленному ложный след. – Приметы, которые были у палладинов, в точности повторяли приметы, которые были составлены сэром Кормаком для дарственной на мое имя. Он решил меня предать и поплатится за это!

– Не будем откладывать! – распахнул дверь Паласар.

– Убьем предателя! – подхватил Расул, до сих пор принимавший слова Мельхиора за чистую монету.

Мельхиор для большей достоверности оставил на груди пленного серебряную монетку с запиской «на погребение». Расул подхватил мешок, в который загодя собрал многочисленные пожитки, что оставались у них с Паласаром после кораблекрушения, и они втроем вышли из хижины.

– Не понимаю, почему мы делаем совсем не то, что ты говоришь, – пожаловался Расул. Неожиданно для него они пошли не к лошадям, которых в этот поздний час было и не раздобыть, а по направлению к гавани. – Мы не будем мстить тому неверному, что передал твои приметы паладинам?

– Нет, я сомневаюсь, что он сделал это и что это было сделано добровольно. Приметы, кроме рыцаря, знал поверенный в делах рыцаря. Если я узнаю, что он вступил в сговор с паладинами, ему не жить, но пока рано судить об этом. Замок могли захватить или... – Мельхиор огляделся по сторонам, – нас же выходило трое?

– Паласар? – вслед за Мельхиором огляделся Расул.

– Вот он, – указал волшебник в сгущающиеся сумерки. Посмотрев по его руке, Расул увидел привалившегося к колодцу рассказчика историй.

От колодца Паласара пришлось тащить в гавань на спине. Хмель и усталость, удвоенные жаркой духотой каморки и удесятеренные болезнью, добрались до его головы, и он прямо на ходу мирно заснул крепким сном выздоравливающего. Расул взвалил храпящую ношу на спину, как раньше паладина. Рассказчик историй был куда легче и не утяжелен доспехами, поэтому Мельхиору не пришлось подменять стража: Расул легко дотащил спутника до порта. Он уже понял, что слова волшебника про лошадей предназначались одному пленному, который был намеренно оставлен жить. На самом деле Мельхиору нужен был корабль.

– На чем мы выйдем в море и куда поплывем? – спросил Расул из-под ноши.

– Ваша барка еще торчит на мели, – ответил волшебник. – На ней и пойдем.

– Как мы сдвинем ее и как починим?

– Я все-таки Мельхиор, и палadini неспроста охотятся за моей головой.

– Нужно перед отбытием отметить в ратуше, а ночью там никого не сыщешь, – вспомнил Расул о заведенном в Хоули порядке.

– А поставить свечку Посейдону тебе не нужно? – высмеял Расула Мельхиор. – Оставь позади свои торговые привычки, как оставил их в «Приюте моряка». Наш путь теперь лежит вне установленных законов и традиций.

Глава 3. Вперед и на север

Едва сэра Кормак с подозрительно юным и светловолосым оруженосцем скрылись за холмами в облаке дорожной пыли, Уитби сделал первые распоряжения в новой должности: Джона перенесли в церковь, чтобы похоронить по обряду, внука сэра Кормака снесли туда же, окрестили и внесли в метрику под именем Ричарда. На этом срочные дела были управляющим закончены, и Уитби с теплом в теле и душе воцарился на мягких овечьих шкурах, на которых нашел смерть Джон. Но он не собирался оставаться один. На любимом резном стуле хозяйина замка расселся сельский священник отец Салливан, ровесник и главный приятель Уитби и в добродетелях, и в пороках.

Они посудачили о вопросах малозначительных, воздали хвалу отбывшему хозяину, поблагодарили судьбу и Бога за благополучие, обрушившееся на них так же неожиданно, как рухнула ночью колокольня, и скоро меж ними встал важный вопрос: с чего же начать управление замком?

Знавший свои удовольствия Уитби предложил перво-наперво устроить смотр деревенским девицам, чтобы отобрать двух-трех златовласок, не обремененных стеснительностью и готовых сменить деревенские домишки на каменные хоромы, но уставший от хлопот с крикливым Ричардом и уж навсегда теперь молчаливым Джоном отец Салливан заметил, что день его выдался под последний час забит трудами, как сундук скряги под крышку полон мелких денег, и предложил начать смотр богатств не с женских прелестей, а с хозяйских погребов, что Уитби тоже пришлось по душе.

Им было известно, что на зиму сэра Кормак выписал из Галлии пятнадцать бочек неплохого вина прошлогоднего урожая. В погребах выяснилось, что бочек осталось тринадцать: одну осенними вечерами прикончил Джон, вторую за ночь опустошил Мерлин. Отец Салливан заметил, что будет дурным знаком оставлять в подвале чертову дюжину бочек, ведь число тринадцать хотя и, по утверждению математики, самое что ни на есть простое, поскольку ни на что кроме себя и единицы не делится, но зовется по черту неспроста, а Уитби нашел, что как никогда согласен со святым отцом по этому вопросу, и лишняя тринадцатая бочка в тот же миг была поднята слугами в каминный зал.

За кубками терпкого рубинового они обсудили, стоит ли все простые числа считать связанными с чертом, потом незаметно перешли к обсуждению задачи о кроликах, которую прочитал Уитби в труде «Книга абака» некоего Фибоначчи. Самой книги у него не было, он не мог позволить такую роскошь, но где-то у сэра Кормака имелся рукописный список, по которому Уитби познакомился с содержанием.

Задача итальянца спрашивала, сколько пар кроликов будет в загоне через год, если вначале там была одна пара, а каждая пара производит за месяц еще пару кроликов, при условии, что в загоне всегда имеется равное количество крольчих и кролов. Они удостоверились, что число в тринадцать пар является частью кроличьего размножения, а численность пар кроликов, взятая после каждого приплода, образует последовательность, названную в честь вышеназванного мудреца последовательностью Фибоначчи. Основываясь на этом, приятели почему-то порешили считать чертовыми только те числа, которые являются неделимыми, содержатся в последовательности кроличьих пар и превосходят или равны тринадцати одновременно.

Следующим чертовым числом, посчитали они, оказалось непримечательное восемьдесят девять, а вот до третьего чертова числа они посчитать уже не смогли, потому что, по замечанию отца Салливана, кролики должны когда-то и умирать, а по мнению Уитби, в математике дохлыми кроликами можно пренебрегать без нарушения общности. Когда точка зрения Уитби одержала верх путем «божьего суда», произведенного подбрасыванием монеты, прия-

тели в своих изысканиях решили прикинуть «гиперчертово» число², определенное отцом Салливаном как тринадцатое в последовательности чертовых чисел, начинаемых с тринадцати, но оно, по беглым прикидкам, показалось им таким огромным, что, верно, человечеству таких больших чисел еще не известно, а как будет оно сочтено, так и наступит конец света. На этой эсхатологической ноте приятелей сразил глубокий сон, какой бывает только у людей, засыпающих с чувством отлично выполненной работы.

Остаток ночи прошел тихо, как старость отшельника. Умиротворенный вином и умной беседой Уитби разнежился в шкурах, и спал он слаще, чем Ричард, непробудней, чем Джон, и спать бы ему до полуденного часа, однако с утра в ворота требовательно постучали. Уитби не открыл глаз от этого яростного стука. Еще чего?! Когда он так сладко спит. Он проснулся минутами позже оттого, что слуга вместе с отцом Салливаном трясли его за плечи. Поверх их «просыпайтесь скорее» продолжал бить по вискам дьявольский стук железных кулаков, долетавший вместе со сквозняком из незанавешанного окна.

² Искомое героями число должно являться шестнадцатым в довольно малочисленной последовательности A005478 простых чисел Фибоначчи. Гиперчертово, по отцу Салливану, число настолько велико, что не найдено до сих пор, чем возможно и объясняется благополучное существование мира всё это время. Так что вы, дорогие читатели, лучше его и не ищите!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.